

Виталий Храмов

СЕГОДНЯ — ПОЗАВЧЕРА

Сегодня — позавчера

Испытание огнем

Испытание сталью

Испытание временем

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Виталий Храмов

Сегодня – позавчера

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Храмов В. И.

Сегодня – позавчера / В. И. Храмов — «Издательство АСТ»,
2020 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

Случайная смерть – и ты в теле старшины Кузьмина в 1941 году. Но память говорит – это какой-то неправильный 1941 год. Почти вся Москва захвачена немцами, но Советский Союз сопротивляется изо всех сил. Сталин не сбежал, и его ставка в подземной Москве, в метротуннелях. Подтягивают резервы, и возможно, ход войны удастся переломить. Нужно приложить все силы, знания, чтобы помочь Родине выстоять. Значит, придется идти в бой, и еще раз в бой, и еще раз до полной победы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Храмов В. И., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Сегодня – позавчера	5
Пролог. Сегодня	5
Ничто в Нигде	11
Привет, Великое Позавчера!	13
Телячья отбивная. Что делать?	15
Телячья отбивная. Что-то же надо делать?	19
Телячья отбивная. О том, как дело само находит не успевших спрятаться	25
Контуженный на всю голову. Про внутренний мир тех, кому нечего терять	32
Контуженный на всю голову. Когда есть смысл	41
Встать в строй!	45
А обмыть?	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виталий Храмов

Сегодня – позавчера

Сборник

Сегодня – позавчера

Пролог. Сегодня

Вот, блин, жара! Солнце нещадно палило. Прокалённый воздух маревом колыхался на месте. Ни дуновения ветерка. А тенёчка тут, на «горке», и не было никогда. Вода в канистре была тёплой и нисколько не помогала. Тут же всё выпитое выступило потом, заливало глаза, разъедая их. Одежда, горячая, пахнувшая гладкой утюгом, стала жёсткой от впитанной соли пота. И снять нельзя. Так и жарься в рабочих ботинках, плотных синих рабочих штанах, в оранжевом сигнальном жилете.

Выпил третью кружку, четвёртую вылил в кепку, поболтал – прокалённый хэбэ выцветшей бейсболки не хотел впитывать воду. Да так с водой и напятил на голову.

– Ух, гля, хорошо!

– Да, на пять сек. Потом хуже будет. Ну чё, за водой ходим? – Максим жадно затягивался сигаретой.

– Ну её! С кем другим сходи. Ты же знаешь – я тяговая животи́на, не беговая.

– Ну, как хочешь. Я один пойду. А то опять Князь в истерику впадёт, заплюёт, если с собой кого возьму. Тады – засыпай.

Я пожал плечами. Укладка стрелочного перевода завершалась. Князев, руководитель работ, заканчивал выгрузку щебня-балласта на уложенную стрелку. Ребята из бригады, обречённо понурившись, старательно делали вид, что не понимают, что надо дальше делать, как-то по-тараканьи прятались от глаз Князева, по-детски наивно надеясь, что пронесёт. Устали. Очень устали.

И ничего удивительного. Время к семнадцати, работать будем до двадцати – двадцати одного. А начали в семь. И так уже третий месяц. Да и бригада должна быть 15–17 человек, а нас – 9. Каждый пашет за двоих. Не идёт народ в путейцы. Работа каторжная, оплата маленькая. Охранники за здоровый сон на рабочем месте больше получают. Ну кто пойдет в путейцы? Правильно – алкаши (им пить почти разрешают на рабочем месте), бездари и отчаявшиеся, типа меня. Поэтому и расшифровывают ПМС не как Путевая Механизированная Станция, а Последнее Место Ссылки. Ну нет работы в нашем городе! Да и в области нет. Вон – полбригады из других сел-райцентров. А Москва – она не резиновая. Да и там Рамшаны с Джумшудами всех выдавили. Двое из бригады – «москвичи». На заработки поехали – вернулись с тем же, с чем и уехали, только старше на пяток лет.

Я взял свою лопату, облокотился на неё, закурил.

Я, как и все остальные, ненавидел свою работу. Дело даже не в том, что она тяжёлая. Нет. Меня трудностями не напугать. Здесь из тебя выдавливают всё человеческое, гнобят, гноят, морально растаптывают и ноги вытирают. А ты терпишь. Отбредиваешься только и всё. Уйти некуда – семья. Завод, где я проработал шесть лет, – встал, разворованный директорами и начальниками, как и остальные предприятия и хозяйства города и окрестностей.

– Заполняем шпальные ящики! – раздался надтреснутый голос. О, вот и мастер нарисовался. Голосок-то сел. Чё, укатывают сивку крутые горки? А, нет ещё. Вон опять с Морячком сцепился.

– Я только закурил!

– Не отвлекаясь от работы!

– Слушай, Богдан! Ты в армии служил?

Мастер ещё больше взъерепенился – упоминание о его неслуживости его задевали.

– При чём тут это?

– Даже в армии дают спокойно покурить.

– У нас не аамия!

– У нас турьма! – вставил реплику Дед, но шел уже с лопатой.

– Да вы специально сейчас закуу-или! Пока хопы-ы сыпали можно было укуу-ииться! Бо-осайте, я сказал!

– Или я тихо сказал? – продолжил Лёшка, бывший мастер, вспомнив, видимо, кавээновскую шутку.

– Потому что тишина должна быть в библиотеке, – это уже я вставил свои пять копеек, продолжив шутку.

– Не брошу! – это опять Морячок.

– Я тебя пьемии лишу.

– Тебя давно, наверное, не били, – вздохнул Морячок.

– Чё ты сказал?

– Показал! Пошёл ты, начальник!

Морячок бросил окурок, поднял совок и неспешно, прогулочной походкой пошел к нам – Князь нарисовался, вот Морячок и закруглил спектакль.

Грохот металла лопат о гранитный щебень заглушил все звуки. Попробовал бы кто-нибудь перекидать каждый вечер по несколько десятков кубов щебня. И диеты не нужны. Живот втягивается, горб растёт. Тут незаметно превращаешься в двуногого верблюда.

Когда я только устроился, именно этот щебень меня больше всего убивал. Совок лопаты категорически отказывался лезть в кучу щебня – надо потряхивать лопату, толкая её. Руки немели сразу. Пробовал подталкивать корпусом – к ночи синяк в паху и порванные на ширинке штаны. Нелегко это. Совок за месяц стирается о щебень наполовину длины. А люди? А люди – не заметно. Да и не нужно это никому. Сейчас уже обвыкся. Но, блин, не на этой жаре. И так дышать нечем, ещё и пыль эта кремнево-гранитная столбом стоит, окутала. Пот все глаза выел.

– Чё вы как военнопленные?!

О, Княже проявился. Скучно, видно, стало. Сейчас будет театр одного актёра. А где же зрители? Без посторонних он так не разоряется. А, вот и зрительный зал – это я через плечо оглянулся. Зам ДС, руководящий манёврами в «окно», манёвры-то закончились. Сейчас кран УКСП приведут в транспортное положение, нацепляют на него остальные подвижные единицы и алес. А вот и ШЧ. Да много шнурков – аж четверо. Местные – мастер, бригадир, путейцы горочного околотка. Какое представительное собрание. Спектакль будет фееричным и обидным.

– Чё вы еле шевелитесь? Вам эсэсовцев надо, чтобы вы, мудаки, работать начали нормально! И овчарок, да автоматы эсэсовцам! Живее! «Окно» заканчивается, а мы не пробивали ещё! Где этот долбак? Вот он ты! Где люди твои? Почему троих не хватает? Чё ты мямлишь? Какой обед? Какая вода! Сейчас я тебе дам и обед, и воду! Они же у тебя пьяные все! Ты чем тут занимаешься? Я – и стрелку ложи, и отсыпай! А ты – за людьми не можешь отследить? На хрен ты тогда нужен? Сам тогда лопату бери, раз с этим бычьём не можешь справиться. Вон они – я ж говорю – ужрались!

Все поворачиваются. Точно – два Гуся. Уже хороши. Богдан подрывается и к ним бежит, что-то орёт, руками машет. Игорь горестно кивает в ответ, кивает и идет. Он всегда согласный. Каждый день напивается под завязку этими дешёвыми «портвейнами» «Три сапога», официально именуемыми «777». А потом кивает. Хоть ты ори, хоть разорвись от визга – он кивает, но пить будет. Это он «москвач». Работал, работал, деньги обещали, обещали, да так и исчезли работодатели. Скоро сорок лет ему – ни дома, ни семьи, ни детей, но самое страшное – не будет. Лишь приобретённый алкоголизм да пустота безнадёги в глазах. Он кивает.

Женька, тоже Гусев, он другой. Отсидел по малолетке за грабёж, в армии опять склад грабанул, так по жизни и будет никчёмным. Но взрывоопасный. Идёт, набычился. Он, может быть, считает, что вообще одолжение сделал окружающим, тем, что пока работает тут. А на него орут!

– Лёнь, смотри, ща чё-то будет! – толкаю я бывшего мастера.

Тот тоже перестаёт грести щебень, ставит лопату, черенок – подмышку, опёрся так. И я так же, повиснув на лопате, закурил.

А действие меж тем развивалось. Женька уже не молчал, а яростно «дискутировал», тоже жестикулируя. И тут Дылка (прозвище мастера – на железной дороге нет дырок, а лишь отверстия, кроме того, он картавил, проглатывая «р»), совершил ошибку – встав на пути Женьки, толкнул его двумя руками в грудь. А он пьяный. Полетел назад, запнулся, упал. Но пьяный под защитой неведомых сил – упасть так на спину на путях очень опасно – одни камни да металл. Женька тут же вскочил, ужом метнулся, схватил лопату, замахнулся резко, ударил. Богдан-мастер увернулся, лопата грохнула о рельс, черенок переломился у основания, Женька опять взмахнул получившимся колом и погнал уворачивающегося Дылку по путям через «горловину» «парка» к зданию диспетчерской.

Мы ржали. От души. Истерично, зло.

Князев в это время звонил в милицию, но там его, видимо, послали «по инстанциям». Он кинулся на ДС:

– Вызывай охрану, что стоишь? А если он его убьёт?

Тот пожал плечами:

– Твои люди – ты и суетись. Убьёт – и поделом.

Ага! Получил от ворот поворот! А ты думал, авторитет для них великий? Обломись, дядя! Ты – клоун! Хотя нам же хуже. Сейчас на нас кинется. Ну вот, точно.

– Чего вылупились? Придурков не видели? Сами такие же. Засыпайте! Бригадир! Где ты, твою мать? Чего ты опять там копаешься? Рельсорез не нужен будет больше сегодня. Давай засыпай! Распустил бригаду! Как штрафники! Ходят, как в штаны наложили!

И так далее по тексту. Всё это мы уже не раз слышали. А Бугор (бригадир) и того больше. И копается с рельсорезом не потому, что тому ремонт нужен, а потому что пьян. Развезло его на жару сильно. Вот и сидит там с Воробьём. Оба в бессознательном состоянии, видимость создают, от Князя прячась.

Но услышали. Но за лопаты не взялись. Еще бы. Пьяные-пьяные, но дело своё туго знают. Типа они «механики», им не до лопат. Доковыляли до ЖЭСки (ж. д. электостанция бензиновая), подвигали её туда-сюда. Начали дёргать за шнур. Она, конечно же, не заводилась – принялась и заглохла. Я отсюда вижу – кранчик подачи топлива-то они не открыли. Специально, конечно. Сейчас подрыгают, провозятся, мы и засыпем всё без них к этому времени.

– Чё вы за ЖЭСку схватились? Рано ещё обвариваться. Лопаты берите. Лопаты берите!

Князь схватил их за шкирки, как котят нашкодивших, дёрнул. Они поднялись, пряча глаза, поплелись к лопатам, достали сигареты.

– Прячь курево! Лопаты берите!

Они мучительно долго надевали грязные, прорванные рукавицы, долго перебирали совки – у них «персональных», как у меня, не было сроду, они же «МЕХАНИКИ!». А те, что

там остались – уже не лопаты, а огрызки. Наконец, выбрали. Захрустели щебнем, загрохотали. А Князь всё это время над их головами разорялся какие он им «кары небесные» обеспечит. Как увольнять нас всех будет, как мы по миру пойдём, как мы зарплату больше «в глаза» не увидим. Старая песня. Надоевшая. До боли душевной.

– Мы не рабы, рабы не мы. Или уже рабы? – это опять у меня с языка сорвалось.

– Рабы. Мы ещё в ноги должны поклониться Князю, что уже месяц ночевать домой ходим, – ответил Лёня. – «Горку» закончим, уедем куда-нибудь в Ебуна, где и связи сотовой нет. Вот тогда! Хорошо если ночь с субботы на воскресенье дома проведёшь.

– Как в апреле?

– Под Воронежем-то цветочки были. Связь была, вода, помыться-искупаться. Вагон-столовую давали. Это потому, что шесть бригад было. А если одни поедem, с этим придурком – ни столовой, ни ноги помыть. Только и будет – давай, давай!

– Лёнь, никак к нам летит?

Правда, вот он прискакал:

– Вы соединители снимали?

Мы жмём плечами. Это забота Князя и Бугра – определять, что снимать (сгружать) с «прикрытия» (платформа, половину которой занимает металлическая будка под инструмент), а что нет.

– Эти два Гирея – не мычат, ни телятся. Так! Ты, – это он мне, – на ключи, принеси приварные соединители. Сколько надо-то?

– Четырнадцать.

Вчера укладывали точно такую же стрелку, ушло четырнадцать. Я запомнил. Я же за ними ходил вчера. Они их и вчера не сгрузили.

– Сейчас идти?

– Э-э, – Князь задумался. Блин, какой сложный вопрос! Тут столько думать надо!

– Может, после Компакта? – подсказал я.

– Да, как пробьём – иди.

– Чё сейчас не пошёл? – спросил тихо Лёня, когда Князь отошел. – Пошкерился бы где-нибудь.

Я пожал плечами. Что сказать? Ступил.

– Придурок ты в натуре, Витёк. В нашем деле что главное? Поменьше хребет поломать. Потупить. Не как ты сейчас, а чтоб поменьше повкалывать. Пусть другие вкалывают. Как вон Бугор. Видел?

– Видел.

– А ты? Всё за общее дело переживаешь? А оно твоё дело? Оно Князя дело. Если всё получилось – он грудь колесом – он сделал! Вот он – какой молодец! А обсирается всегда не он. Всегда других своим гуаном засыпает. Который день он про соединители забывает, а виноват – Бугор. А их там всего двадцать штук осталось. На завтра не хватит. Ему говорил ты вчера? Говорил. И чё? Ничё! Завтра будут «героические» метания «по недопущению срыва окна». На уши всех поставит.

Меж тем всё засыпали. Макс приволок воду. Холодную. Отпивались, отливались, пока заходил Компакт – австрийская выправочно-подбивочная машина. С рёвом и грохотом Компакт начал работу. Земля под ногами сильно и часто завибрировала. Я закурил. Лёня не курил. До ста лет, наверное, дожить хочет. Или помереть здоровым.

– А нам-то что? – продолжал Лёнька. – Много мы положим стрелок или мало, много нас народу будет или мало – зарплата не изменится. Вот и скажи, что мы сдельщики. Вот сейчас ты наряды за этих горлопанов пишешь, вот скажи – так или не так? Не кроют они больше ста пяпнадцати процентов выработки, хоть ты тресни по шву. А у нас больше двухсот пятидесяти процентов. Все наряды перерисуют. Или расценки срежут. А вот Князю будет разница.

Да и начальнику будет. Объёмы-то приличные, зряплата та же, по фонду зарплаты экономия. Начальнику – премию за экономию, ему же с Князем по ордену от «железки» за заслуги, за перевыполнение плана по штуко-километрам, ещё по премии. А нам – сосите вы, ребята, сосновые шишки в Новоебуново.

– Орден Сутулого, – поддакнул Дед, – с закруткой на спине.

Появился мастер. Живой. И даже не побитый, тварь! Один пришёл.

– А Женька где? – это Бугор.

– Менты забрали. Он и с ними подрался. Дубинками его откиздели.

– Ну, ты и сука, начальник!

– Кто сказал?

– Да все! Чё, всех сдашь? Сдавай! Давай! Шас звони! – Бугор вскочил, рванул на груди «желтуху» (сигнальный жилет), петухом пошёл на мастера.

– Хорош, Бугор, – это я уже встречаю, – охолони!

– Шёл бы ты, мастерок, к остальным ублюдкам, в смысле начальникам. Тебе с ними привычнее. Да и нам спокойнее, – это Морячок.

– И вонять перестанет, – это Дед.

Мастер, «сделав обиженного», отошёл, но к Князю не пошел, присел в сторонке, закурил.

– Вот уроды!

– Да Женёк и сам виноват, – сказал Игорь, – я ему говорил – тебе хорош, по тебе охереть, как видно. Да и пить он не умеет. Псих.

– Ты умеешь? – спросил я его. Люблю Игоря подколоть. – Клоун.

– Да достал ты. «Клоун, клоун». Зато не псих. Выпил – не отсвечивай. А этого постоянно на приключения тянет. И Максимку нашего за собой тащит.

Хороший он мужик, Игорь. Но потерялся он где-то по жизни. Заблукал. Потому и беспутный. Попал в замкнутый круг без надежды выбраться. Да и я тоже в ж... в этом самом месте, но я не пью. Совсем. Потому пока и сохранил и жену, и сына. А запью – с горя да с безнадёги – стану ну точно Игорем. Себя вероятного в нём вижу.

Максимка – иной вариант. Он не стал взрослеть. В двадцать пять он сохранил разум подростка. Чисто дитё. Тоже своеобразная защитная реакция психики – нежелание воспринимать мир всерьёз. Тоже сильно пьёт. Но больше – просто за компанию. Не может отказать. Возможно, считает, что это круто. Дитё есть дитё. Этого принять я не могу. Какая-то страусиная позиция – спрятаться.

Одни прячутся в опьянении, этот – в детстве.

Компакт закончил работу. Князь поднялся в машину – маршрутный лист бригаде подписывать, Дылка схватил шаблон. Я подошел к домкрату, проверил его. На домкрате легче. Не то чтобы Лёнькины слова дошли до меня, просто эта жара меня доконала. Пусть подбойками другие поработают. Они же решили опять поиграть в тупых – ничего не знаю, ничего не слышу, не вижу, ничего никому не скажу. Князь рывкнет – пойдут. А домкраты заняты – Лёнька за второй вцепился.

– Пробиваем флюгарочные брусья! – Княже проявился. Мастер уже уровень выставляет. Поташил и я двухпудовый домкрат.

– Принёс соединители? – похоже, это он мне.

– Нет ещё.

– Ну так неси. Домкрат вон Дед возьмёт.

Он поднял рацию:

– Горка?

– Да, горка, слушаю, – прошипела рация.

– Докладывает руководитель работ Князев. Работы по замене стрелочного перевода № ... закончены. Ограждения сняты. Можно распускать.

– Поняла... ш... п... – Дальнейшего шипения я не слышал – всегда плохо воспринимал речь через рацию или громкоговорители, не разбирал.

Вот так вот. Ещё делов часа на четыре, но он открыл движение! Отчитался. Молодчик! Ещё сорок минут окна было, но он быстренько отчитался. В акте приёмке поставят красивое время. Да кого кольшет? Ну и что, что опасно это?

Я топал по шпалам в «парк». Там отстаивалось наше «прикрытие». На соседних путях работали тоже наши. Две бригады, человек сорок, мельтешили оранжевыми букашками. Некоторые замахали руками, видимо узнали. Я тоже поднял руку в приветствии. Они не унимались, ещё больше народа махали, что-то кричали, тыкали руками в меня, указывая за меня.

Я обернулся. По этому же пути ехал на меня полувагон. Тихо ехал, неспешно и неслышно.

Я уже говорил, то я животное не беговая, а тягловая? Я и живу так же неспешно, и сообщая так же неспешно, но основательно. Жена вообще называет меня тормозом. Поэтому, когда я увидел вагон, прущий на меня с неизбежностью смерти, первой моей мыслью была, конечно же, неправильная, а именно: «Какого хрена он тут делает? Окно же!» Тут я вспомнил, что движение-то уже открыли.

И я прыгнул из колеи пути, но поздно. Я как обычно – ступил, стормозил. Я видел в прыжке приближающийся тёмно-зелёный угол полувагона. Я понял, что не успеваю. Всё. Алес капут. Финита ля комедия. Эта штука не е... не ест, а давит.

Я не боялся. Совершенно. Страх не было совсем. Его уже давно во мне не было совсем. Уже с десятков лет я ничего не боялся совершенно, даже смерти. Жена говорит, что я настолько тормоз, что не успеваю испугаться. Но я думал совсем не об этом. Последней и единственной мыслью было: «И это – всё? Так бессмысленно и бесполезно? Где смысл? И для чего же я жил?»

Удара не почувствовал. Просто наступила Тьма.

Ничто в Нигде

Боли не было. Ничего не было. Полное отсутствие всего. Вообще ничего. Полная, абсолютная темнота. Но я же думаю! Я мыслю, значит, я – существую. Цитата. Не помню откуда. Я живой. Или как?

Долго. Сколько – непонятно. Долго-долго ничего не происходило. Потом что-то изменилось. Мне показалось, я начал двигаться. Как двигаться? Непонятно. Тела своего я не ощущал. Ногами не шел. Ничего не ощущал, кроме изменения моего местоположения относительно предыдущего местоположения. Падение? Полёт? Не знаю – как это – полёт? В свободном полёте быть не приходилось. На падение похоже. Тут уж у меня большой опыт, в падениях. Но падал я не вниз, как должно быть, а как-то вбок.

Ещё изменение – источник света вдали. В крошечной тьме – отсвет далёкой призрачной звёздочки. Как только я увидел едва различимый отсвет, появилось новое ощущение – боль. Боль! Блин, как я не любил боль! Я ужасно плохо переношу боль. Не могу её терпеть, вернее – терпеть её не могу! Ничего никогда не боялся, а боль не переношу.

Звёздочка пропала. Пропала и боль. Повисло опять Ничто темноты. И движение прекратилось.

Не-ет, так не пойдет! Да, приятно, конечно же, когда ничего не болит (а чему, кстати, болеть-то?), но Ничто меня не устраивает. И я рванулся (чем?) в сторону, где отблёскивал до этого свет.

Опять появилась звёздочка, появилось падение, вернулась боль. Но теперь для продолжения падения приходилось прилагать усилия, будто я толкал что-то на подъём горы, хотя тела я по-прежнему не чуял. Да ещё терпеть боль. Это тоже тяжело. Говорят, к боли привыкают. Не знаю. Невозможно привыкнуть к этому мучению.

Что же там, в конце? Что за свет? Свет, причиняющий боль? Чем я ближе «падал» к нему, тем больнее было. Но я «толкал» «падение» всё сильнее, преодолевая всё усиливающиеся мучения. Когда стало невозможно терпеть, я стал кричать, орать, потом просто голосить во всю мощь (чего?), но упорно «толкал» к свету.

И вот Свет залил Всё. Остался только Свет. И Боль. Мука. Мучение.

– Кто ты? – раздалось громоподобно.

– Я? – удивился я.

– Кто я – я знаю. Кто ты?

А кто я? Кто Я? Имя? Что имя? Как меня зовут? Да все по-разному. Коверкают имя, вешают прозвища. Мама, жена, сын, ребята с работы, одноклассники – все по-разному. Каждый хоть чуть, но иначе. Как я сам себя называю? А кто сам себя называет, ну если сам перед собой? Я и есть Я. Имя – чушь. Придуманный людьми идентификатор. Перед этим Голосом и Болью – имя – чушь.

А что? Социальный статус? Место в обществе себе подобных? Пыль. Я – пыль. Миг между прошлым и будущим. Выживал, старался, учился, терпел. А сейчас что значит всё это, вся моя прошлая жизнь? Чушь.

Что я для людей? Для любимой жены, для того набитного мальчугана – сына моего, для матери? Они мне дороги, я им дорог. Я – муж, отец, сын? Со стыдом и болью я вспомнил, как причинял боль обид, невнимания дорогим мне людям. Стыдно. Больно. Плохой муж, плохой отец, никудышный сын. Опять не то!

А что ещё? Работа? Служба? Не служил. Работу ненавидел. Нет, я – не лентяй. Ну, не больше других. Не было у меня работы, которую можно было бы назвать Делом, заниматься Делом и быть довольным. От всех способов зарабатывания средств к существованию оставался только стойкий осадок Мозгоё...ства. Напрасно потерянное время. Не мог я себя назвать ни

экономистом, ни металлургом, ни путейцем. Как один сказал: «Мы поколение коекакеров». Вот это точно. Но тоже – чушь.

– Я не знаю, – ответил, наконец, я. – Я – Никто.

– Никому место в Нигде. Зачем шел ты на Свет, терпишь Мучение?

– Не хочу в Нигде. Не хочу быть Никем. А к Свету всегда надо идти. Иначе нельзя. А Мучение? Бог терпел – и нам велел. Терпимо. Это что-то. Лучше Небытия. И так всю жизнь это – НЕ. Не-жизнь, не-смерть, не-друг, не-враг, а всё только – ТАК... Ни то, ни сё. Небытие. Унылое Ничто. Постоянно.

– Почему шел через Мучение на Свет? Легче же было наоборот?

– Легче, – согласился я. – Легче не значит лучше.

– Почему? – опять прогремел гром.

– По кочану! Не знаю! Так надо!

– Кому надо?

– Мне!

– А ты кто?

– Я? Я – человек! Мужик! Для трудностей я создан!

– Помни об этом. Не забывай!

Раскаты грома катались волнами вокруг. Отдаляясь, приближаясь, схлёстывались друг с другом, дробились друг об друга.

– Жить хочешь? – спросил тот же голос, но тише, без громовых раскатов.

– Не знаю. Особо и нет. Только...

– Только...

– Родные мои. Нужен я им. Жене нужен муж, сыну – отец, матери – сын.

– У них будут они. Может лучше, чем ты.

Если бы у меня была бы голова, я покачал бы ею, были бы губы – поджал бы их.

– Это врят ли. Будет ли он любить их, как я? Заботиться о них? Никому не доверю. Надо жить. Потому и живу. Для них.

– Ой ли?

– Упрёк справедлив, согласен.

Раскаты грома совсем стихли. Но что-то гремело всё равно. Это Боль. Мучение уже гасило Свет.

– Так что же с тобой делать?

– Не мне, видимо, решать.

– Не тебе. А чего хотел бы ты?

– Положи, где взял.

Опять загрохотало, оглушило. Мне становилось всё хуже.

– Может быть... – пророкотало, – и будет по-твоему. Но будет тебе Испытание. От того как ты пройдёшь его и будет зависеть – Небытие или «Положи, где взял». Кто ты?

– Я! Я – человек! Русский человек! А ты кто?

Боль накатывала, как штормовые волны. Боль уже гасила Свет и моё сознание. Кругом темнело. Лишь два светлых пятна осталось.

– Ты – Бог? – спросил я, но голос мой прозвучал так жалко, тихо, как стон.

– Нет, – со смешком ответил громоподобный голос, правда, в этот раз – звеня, как в пустом ведре.

– Я умер? – опять спросил я.

– Пока нет. И я, как врач, постараюсь этого не допустить.

Врач? Какой, на хрен, врач? Это...

Всё исчезло, как будто выключили рубильник.

Привет, Великое Позавчера!

Блин, больно-то как!

– Терпи, боец, генералом будешь, – грохотал болтом в пустом ведре голос.

– Маршалом, гля. Где я?

– В узловой больнице.

– Чё я тут потерял? Чё больно-то так? Чё я не вижу ничего?

– Во, ожил, залопотал. Жить будешь.

– Куда я, на хрен, денусь! Чё за узловая больница?

– А ты что, совсем ничего не помнишь?

– Что я должен помнить?

– Как твоё имя? Звание? Номер части?

– Вы с какого дуба попадали? Какое звание? Часть чего? – спросил я и тут крепко призадумался. Часть вкупе со званием – что-то воинское, а всё воинское меня обошло далёкой-далёкой стороной.

– Имя-то своё помнишь?

– Имя? – я решил подстраховаться и потупить. Тяну время. Авось, куда и вытянет само.

– Амнезия, – другим грохочущим скрежетом донеслось с другой стороны. – Обычное дело при сильных контузиях.

Точно! Амнезия. Удачно. Можно дальше дурачком прикидываться.

– Что ты видишь?

– Ничего я не вижу. Пятна какие-то. И грохочете вы.

– Все симптомы налицо. Вот ещё что проверим. Чувствуешь? Что чувствуешь?

– Бьёте по ноге и колете. Хорош! И так всё болит! Обезболивающего дали лучше бы.

Но просьба моя была проигнорирована.

– Чувствительность нижних конечностей сохранилась, что говорит об обратимости повреждений спинного мозга. Надеюсь зрение и слух также восстановятся.

– Что со мной случилось?

– Контузило тебя при бомбёжке станции. Взрывом отшвырнуло. Ещё и об штабель шпал приложило. Живой – и то чудо.

– Бомбёжке? Какая бомбёжка?

– А ты и это не помнишь? Война, батенька. Немец уже и до нас долетает.

– Ё-о-о! Гля! Твою дивизию! Что за х...ню ты несёшь? Война чёрте-когда кончилась!

– Не кончилась. – вздох. – И когда она теперь кончится?

– А какое число сегодня?

– Пятое июля. Сорок первого года.

– Ё-ё-о!..

– Что?

– Сознание потерял.

– Но уже прогресс. Поздравляю вас, коллега. Такого тяжёлого пациента вернули в наш грешный мир. Если выздоровление пойдёт нормально, ещё и в строй вернётся. Подобный опыт в ближайшее время нам может понадобиться.

– Точно понадобится. Фронт катится на восток. Надо готовиться к потокам раненых.

– Тут я полностью согласен с вами. А с этим что?

– Я думаю, можно завершать курс интенсивной терапии и переводить его в хирургию.

А там – все в руках...

– Гхе-гхе.

– Да, да. В его руках. Организм ещё молодой, здоровый, поправится. Амнезия меня беспокоит. Не получим ли мы двуногое растение?

– Увидим. Голова – штука тёмная. Что там в ней происходит? Может, чайку?

– Можно. И покрепче можно. Отметить, так сказать.

– Людочка, составите компанию? Тут у нас замечательный коньячок имеется. Знакомые на югах отдыхали, привезли. Вы знаете, Людочка, коньячок в гомеопатических дозах весьма благоприятно воздействует на организм.

– А вы сможете, Натан Ааронович, в гоме... гоми... В общем, остановиться?

– Да что там, красавица вы наша, останавливаться? Полтора литра всего! Разогнаться не успеешь!

Телячья отбивная. Что делать?

Вот так вот. Сорок первый. Известие меня убило напрочь. До моего рождения ещё больше сорока лет. Твою-то в атом! Это как же так-то? А любимая моя? А сын? Блин, до его рождения-то вообще больше шестидесяти лет. Увижу ли я их? Как? Своим ходом? Доживу?

Сначала я решил, что это розыгрыш такой. Ну как по телеку. Напугают, потом выбегают: «Мы вас разыграли! Там стояли скрытые камеры!» Но нет. Мне было слишком хреновато, чтобы надо мной подобные опыты ставить. У меня ведь, в самом деле, рука сломана, всё тело изорвано (врачи так сказали), да я и сам чувствую себя изжеванным куском мяса. Двадцать первый век жесток и бесчеловечен, но не настолько же? Да и многовато актеров, настолько вжившихся в образы. Слишком масштабная постановка для меня одного. Кто я такой-то?

Испытание, говоришь? Быть куском бэушного мяса? Ничего нового. Итак, почти все кого я знаю – ходячие мясные куски. Только не рваные, как я.

Испытание. Из двадцать первого века в сорок первый год. Да, год знаковый. Для чего? Изменить что-то? Тогда почему я? Я же не знаю ничего и ничегошеньки не умею. Почему не историк какой, на этой теме двинутый, в смысле продвинутый. Или спецназовец. Или Шаманов? ВДВ командует, умеет. Чеченов бил нехило. Вот он помог бы. А я? Я даже автомата Калашникова в руках не держал. И в армии не служил. По образованию – экономист – вообще бесполезный человек.

Я представил – прихожу в НКВД, или как он тут называется. «Здравствуйте, я из будущего!» А они мне: «Очень хорошо! И чем вы нам можете помочь?» И тут я приплыл. Ничем, твою матом, ничем! Бездарь я, ничегошеньки полезного не знаю и не умею. Коекакер типичный!

Что я помню о сорок первом? Сильные бои шли под Могилёвом, Смоленском. Под Вязьмой наших окружили. И путь на Москву стал открыт. Киев не сдавали. Может, специально подставили наши войска под окружение, надеялись на Киевский укрепрайон? Гудериан отвернул от Москвы на юг. Под Киевом наших навестила полненькая и пушистая полярная лиса. Кто ж думал в сорок первом, что можно окружить целый фронт? Надеялись на стойкость русского солдата. Что удержит, свяжет чудо стратегического мышления – танковые армии. Не вышло. Драпали. А если бы Гудериан не пошел на Киев, а ударил бы на Москву? Удержали бы? Потеря Киева – тяжелая потеря. А потеря Москвы? Москва – узел всех возможных коммуникаций, даже сейчас. А в сорок первом? Оправились бы?

И это всё, что я помню. Но я уверен, что Сталину и его наркомам и без моих сопливых и так всё понятно. Не помню я ни расположения войск, ни направлений ударов, ни количества привлечённых сил, ни одной даты. Так, чуть-чуть, общие тенденции. Но их и так несложно вычислить мозговитым офицерам Генштаба из простого анализа разведданных.

Технические детали? А я и не знаю никаких. Даже нарисовать не смогу ни одного самолета времен ВОВ.

Ничегошеньки-то я не знаю.

И самый главный вопрос – как я в глаза-то Сталину посмотрю? Я здесь единственный представитель их потомков. С меня за всех и спросится. Что я ему скажу: «Просрали мы Родину, товарищ Сталин. На колбасу поменяли. Лохи мы позорные. Повелись на красивые обещания дяди заокеанского и были кинуты, как последние лохи. Героическое прошлое своё, щедро кровью оплаченное, оболгали, предали. Светлое будущее наших детей, вами авансом проторенное, разменяли на сникерсы и китайские цветастые шмотки. Да, у многих из нас есть автомобили, компьютеры, у всех – аудио, видео, телеки. Но нет у нас будущего. Не видим этого, потому что не хотим видеть, не хотим поверить этому. Но подспудно это давит. Поэтому гнетёт безнадёга, мужики убегают от этого в иллюзии, кто пьёт, кто в виртуалке компа тонет, кто на

наркоту падает. Некоторые даже отказались от чести быть мужиком и нести тяжесть мира на своём хребте, отвечать за всё. Они бабами попытались стать. Пидоры! Они-то слиняли. А мы нормальные? Депрессия. Серая безнадёга. Максимка вон вообще решил дитём остаться. И не пидор, и не мужик. И спроса никакого. Убогий. Да, убогие мы все! И нет нам прощения. И расстрела за такое мало».

Так ему сказать? Последнюю опору из-под старика выбить? Чтобы и его жизнь и борьба потеряла смысл? А он в запой уйдёт? Война кончится в сорок первом. Исчезновением русского народа как исторической сущности. И меня не будет. И сына моего.

Да ё-моё, почему я-то? Толку-то от меня?

Вот об этом я и думал, пока лежал в палате. Оглушенный, полуослепший, прикованный к койке. Оказалось, у них здесь насчёт обезболивающих совсем никак. Даже простенького баралгина нет и не было. И антибиотиков нет. Только стрептоцид. И спирт. Какие-то лекарства были, но я даже не слышал о таких.

Время шло. Я всё больше отчаивался. С каждым прошедшим днём положение на фронтах всё ухудшалось. Я-то знал. Но я ничем не мог помочь. Я был близок к отчаянию. Разум убеждал меня, что помочь предкам я ничем и так не смогу. Но душа отчаянно вопила, звала помочь им.

– Не время отчаиваться. А вот в голос реветь в самый раз! – пробормотал я. Не знаю, слышал меня кто-либо или нет. Я был «аутентичен» – глухотой и слепотой отрезан от мира. Звуки были искажены до неузнаваемости, видел только цветные пятна. Чтобы я не мучился, глаза и уши мне замотали чем-то. Наверное, бинтами. Я был отрезан от внешнего мира. Самое время подумать. Как говорил один знакомый капитан ВВС из аэродромной obsługi, с которым мы раньше дружили семьями: – «Отставить рефлексии!»

Значит, эмоции отставим на потом, подойдём к вопросу рационально.

И что же мы имеем? Имеем мы одно покалеченное тело, отсутствие полезных знаний и навыков. Это плохо. А что хорошего? А хорошего мало: только сильное желание помочь Родине.

Ладно, может, что наскребём по сусекам памяти. Нужен план. По пунктам. Мне так всегда было легче, нагляднее что ли.

«План помощи» – назовём так. Как можно, ну хотя бы теоретически, ускорить свидание Рейха и полярной лисички? А кто его знает? Это не конструктивно. Ладно, значит, нужен «ход конём», как говорят: не пускают в дверь – надо лезть в окно. Напрягаем память.

Почему сейчас на фронте полный абзац? Танков, самолётов, пушек, людей, оружия и нас было больше, но кровушкой умылись. Какое сегодня число? Наверное, все девять мехкорпусов по тысяче танков в каждом уже сгорели в приграничных контрударах. Без заметных успехов. Самолёты сожжены на базах, без топлива, без связи, без управления, целеуказания. Вот тут кое-что есть. Надо обдумать. Людей больше? В данный момент это означало лишь – больше жертв. Больше пушек? А куда им стрелять? Как до огневых добираться? И для всех одна и та же беда: отсутствие связи, отсутствие снабжения, отсутствие управления, отсутствие целеуказания, отсутствие разведанных и связанная с этим неадекватность противодействия на действия противника.

Почему так? Тут опять по пунктам надо проявлять.

Связь. Ясно, что вестовые с записками – это каменный век. Кто из армейских «кабинетных теоретиков» думал, что обстановка может меняться настолько быстро? Мог ли кто представить темп наступления сто км в сутки? Просто вообразить себе? Это мы, в двухтысячных, привыкли к бешеному ритму, к повсеместности связи, к моментальной передаче данных, к быстрому реагированию, оперативному управлению процессами по сотовому. А маршалы Сталина? Подобного даже в фантастике тогда не было. Да и была ли фантастика тогда? А и была, читали они её? Когда? Молодое тогда советское государство строило в условиях экономической и информационной блокады армию, опираясь лишь на опыт Первой мировой, Граждан-

ской войн, да и ограниченных конфликтов в Испании, Монголии и Карелии. Но те конфликты действительно были ограниченны, опыт, вынесенный из них, был ограниченно применим. Да, с типами танков, пушек, автоматизацией стрелкового оружия, обмундированием они помогли. Но кризисы гасились свежими резервами, связь и снабжение успевали на ограниченных географически театрах военных действий. Да и финны с японцами – не немцы. Подобной немцам маневренности и управляемости резервами, ресурсами, огнём, оперативности и адекватности принятия решений, инициативности и ответственности на всех ступенях управления мир ещё не знал. За что и поплатился.

Чем больше я вспоминал, тем больше мне это напоминало схватку каратиста Брюса Ли с каким-нибудь борцом или сумоистом. Маленький, вертлявый китаёза был везде и нигде. Наносил быстрые, точные удары в болевые точки, легко уходя от мощных, но неуклюжих ударов и захватов. Борец рано или поздно сдастся (Франция), сбежит с поля боя (Англия) или будет повержен ударом в челюсть или висок (Польша). Или другой вариант – используя большую выносливость, уйти в глухую оборону, пытаясь контратаковать (чтоб не расслаблялся), и, заранее простившись с рёбрами, почками, печенью, выбитыми коленями, беречь челюсть и голову. Подловить устающего каратиста на ударе, произвести захват, сломать что-нибудь навроде руки, потом ещё что-либо и добить удушающим приёмом. Не так ли вышло? Подловили выдохшихся немцев под Москвой, в Сталинграде, под Курском, а потом непрекращающимися ударами и захватами по всем фронтам и добились. Тут мне предков и нечему научить. Самим поучиться упорству, выдержке и самопожертвованию.

Но я отвлёкся. Что там, связь? Оно же снабжение. Телефон, рации, грузовики. Нереально. Несопоставимо с Германией. Огромные капиталовложения. Целенаправленные. Они могли себе позволить, тем более – прихватизировав промышленность и ресурсы всей Европы, да еще и при поддержке негласного (но почти нескрываемого) международного банковского синдиката. А Россия? Пожар братоубийственной Гражданской войны и хаос первых лет правления еврейского Интернационала вычеркнули и так аграрную страну из списка держав. Куда-то глубже Польши. Голод, разруха, хаос. Экономическая блокада зарождающегося социализма со стороны капиталистов (для них сильно запахло жареным – пришлось делиться с рабочими, этого они простить не смогли никогда). Какая телефонизация? Какое развитие радиотехники? Какие автозаводы? О чем вы? Жрать нечего. Пока к власти пришли патриоты, пока выжгли окопавшихся в партии масонов и их агентов, пока изыскили ресурсы – поезд ушёл. Имеем то, что имеем. Коняшек в голод слопали, грузовичков не успели нашлапать. Одно спасение – железные дороги. Не зря развитие железные дороги и паровозостроение Сталиным лично контролировалось. Поэтому на железных дорогах – порядок, как в НКВД. Тут нечем помочь. Все проблемы проявлены на высшем уровне, развитие упирается в ресурсы. Как всегда ограниченные.

А как хотелось бы приспособить какой-либо гаджет будущего здесь. И раз – чудо! Враг повержен малой кровью. Какой гаджет? Сотовый? Пока разработают – война кончится. Противотанковые гранатометы? Автоматы Калашникова? Сильно они Гитлеру помогли? У них был свой «Калаш» – штурмовая винтовка stg 44. В 44-м начал в войска поступать. И что? Только перья от немцев летели. Новый автомат был лучше MP-40, но дороже, значит, выпускали их меньше. Новый боеприпас – неизбежные проблемы снабжения. Гранатометами они пожгли много наших танков, но не победили. Не вариант.

Новые танки? Я могу припомнить общее устройство Т-72. А смысл? Нужен дизель из Т-72. Его в Т-34 или в КВ поставить и Т-72 на... не нужен. А что я знаю о двигателе-строении? Из рекламы: «Двигатели внутреннего сгорания бывают двухтактные и четырехтактные». Всё!

Самолёты? Знаю точно – самолет проектируется под конкретную задачу вокруг двигателя. Именно так – основа двигатель. А насчет этого уже разобрались.

И тут голяк.

А во! Убить Гитлера! Даже самому смешно. С его-то охраной? Кого помельче? Бессмысленно. Редко когда личность определяет ход истории. Как дедушка нацистов Маркс говорил – на ход шестерёнок истории влияют лишь производящие силы и производственные отношения. Личность может повлиять на эти весы истории лишь в определённые моменты неустойчивого равновесия. Когда вероятность нескольких вариантов развития событий равна. Как это называется? Точка бифуркации, или что-то навряд того. Гитлера убивать поздно. Это ничего не изменит. Война и победа Рейха нужна не ему, а всем немцам. До лета сорок четвертого. А там уже и сам Сталин не остановит наш народ. Гитлера надо было бы убивать в Мюнхене тридцатых. Да и то не факт. Была бы у вождя Рейха другая фамилия, да и только.

Вот зараза! Куда ни кинь – везде клин. Предки не дурнее нас были. Зачем я здесь?

Так я ничего и не придумал. Весь план, со всеми «пунктами» – коту под хвост.

Но я-то ведь здесь? С «испытанием». Значит, не просто так? Что-то должно быть.

Ладно, подождём, а там посмотрим. Как говорится – делай, что должен, а там видно будет.

Отступление от повествования

Телефонный разговор:

– Здравия желаю!

– Как отпуск, Сара?

– Нормально, но тут возникли обстоятельства.

– Докладывай, что, унюхал что-то?

– То-то и оно, унюхал. Тут эшелон разбомбили. В бреду один боец очень необычное болтал.

– В бреду чего только не бреханут.

– Но не так! Чую я – ЧУЖОЙ он! Совсем чужой.

– Чуешь, говоришь? Немец?

– Не знаю. Вроде и наш, а вроде и не наш.

– Арестовывай.

– Так не за что ещё. Кроме чутья моего и нет ничего. А если вспугнём? А если он не один?

– Что предлагаешь?

– Наблюдать. Объект всё одно не сбежит. Не помер бы. Прошу разрешения залегендироваться в больницу для наблюдения.

В трубке некоторое время было только сопение.

– Ты знаешь, какая в тебе потребность?

В ответ усмешка:

– Знаю, но у меня такое чувство, что это самое необычное и интересное дело в моей жизни.

В трубке опять некоторое время было только сопение.

– Чуешь, говоришь?

– Моё чутьё сколько раз наши задницы спасало?

– Ладно! Так и быть! Посмотрим, что ты там нароешь. Что нужно тебе от нас?

Дальше пошёл деловой разговор по деталям.

Телячья отбивная. Что-то же надо делать?

А зрение ко мне вернулось. И слух. Меня перестали пеленать, как мумию. Только повязка на голове – затылок разбит на одиннадцать швов. Аароныч говорит на перевязках, что я просто везунчик. Такие травмы, «просто не совместимые с жизнью», по его словам, и «такая положительная динамика восстановления». Аароныч, типичный русский еврей, просто светился от радости, как будто не я поправлялся, а он.

Ещё сюрприз – я теперь – Виктор Кузьмин, старшина какой-то там части. Новая идентификация, новое тело, новое лицо. Хотя очень похож на себя прежнего. И рост примерно такой же, хотя не мерил, где-то между 180 и 190 см. На вид и размер ноги совпадает, только плоскостопие пропало.

В палате со мной лежали раненные в той бомбёжке. Один сослуживец моего тела. У него оторвало ступню, располосовало осколком косые мышцы спины. Он и посвятил меня, беспамятного, в «легенду». Мне двадцать семь. Не женат, детей нет. Как призвался, так и служу по контракту, а не, у них это называется «сверхсрочная». Родом с Урала, служил под Байкалом, в мае началась переброска нашей армии на запад (не догадывался Сталин о готовящемся нападении, говорите? Ох, и крут дедушка Ёся!). Попали под бомбёжку. Я, как самый еб...тый, т. е. герой, шмалял из ручного пулемёта по бомбардировщикам. В наш вагон-теплушку как раз угодила бомба. Пять человек погибли – не успели убежать от состава. Сослуживцу оторвало ногу, меня взрывам перекинуло через платформу с орудиями и приложило о штабель шпал. Удар был такой силы, что штабель рассыпался, как поленница дров. Посчитали меня мертвым, даже в рядок с убитыми положили. Только когда в машину грузить трупы стали, заметили – представившиеся остыли, а моё тело было ещё теплым. Так я оказался в узловой станционной больнице.

Как я понял из контекста потоков сознания свежеиспеченного дембеля-инвалида, обладатель моего теперешнего тела был абсолютным отморозком: бесстрашным до безбашенности, немногословным до угрюмости, уставщиком до нудности, неспешномыслящим до скудоумия, сильным физически, выносливым, как конь, жестким до жестокости, нелюдимым до замкнутости, нелюбопытным и безграмотным, стеснительным с бабами до женоненавистничества, почитатель начальников до подхалимничества. Букет ещё тот. Зато как в «легенду» ложилось! Класс! Я тоже должен помалкивать, чтобы не взболтнуть чего иновременного, из-за этого же должен быть нелюдим. Стоит и дальше придерживаться легенды.

Но полностью соответствовать не получается. Зрение восстановилось настолько, что я, сидя в койке, подтянул газету, помучившись одной рукой, расстелил на коленях, стал читать.

– Товарищ старшина, а вы читать умеете?

Я посмотрел на сослуживца, постаравшись сделать взгляд максимально «тяжёлым». При этом лихорадочно придумывая, как выкрутиться.

– Я не понял, боец. Ты меня тупым назвал? – ответил я, призвав на помощь все перлы «армейского» «юмора», какие смогли отложиться в голове.

Глаза бойца округлились.

– Я... Я просто никогда не видел вас читающим, – залепетал тот. Да, всё-таки авторитет отморозка классная штука. На «вы» обращается.

– Это говорит лишь о твоей недалёковидности, невнимательности и общей несообразительности. – Боец офигел ещё больше. Слышал ли он от старшины подобные слова, да ещё три подряд?

– Или ты оскорбил не меня, а Красную Армию?

– Армию-то как? – взвизгнул дембель.

– Ты, правда, считаешь, что в самой просвещённой армии мира – Красной Армии – старшиной может быть настолько тупой тип, неспособный освоить грамоту?

Боец вообще «поплыл».

– Если от моего гнева ты ещё можешь спастись извинением прилюдно, то за клевету на Красную Армию и критику её командования, в части комплектования армии младшим составом, да ещё в условиях военного времени... Это саботаж. Подрыв дисциплины и веры трудового народа командованию. Трибунала тебе не избежать.

На бойца больно было смотреть. Он икнул и откинулся на подушку.

– Сестра! – рявкнул я. – Тут бойцу поплохело.

В палате повисла напряженная тишина. Видимо, потерявший сознание до этого развлекал их байками о приколах над тупым старшиной. И вдруг – такое!

– Да, ребята, – улыбнулся я, – сильно меня головой приложило. Так что будьте внимательнее на поворотах.

После этого я почувствовал себя наркомом обороны. От моего взгляда люди скукоживались, бегом выполняли просьбы, слушали открыв рот. Не скажу, что мне это было приятно, но зато удобно. Дешево, надёжно и практично. Это было круто! Я просто изображал из себя генерала Булдакова из фильмов «Особенностей национальных «всяких там», а они, бойцы, путейцы, медперсонал принимали это за чистую монету. Вот так как-то.

Я уверенно шел на поправку. Ну, а что нет-то? Кормили нормально, покой, лечение, да с Божьей помощью. Стал вставать. Сначала с помощью ходячих соседей по палате, потом сам. Одна нога была в лангетке, обе в швах и бинтах, но потихоньку, полегоньку. Больно. От боли чуть штаны не марал, но надо. Война. Там люди гибнут, а я тут прохлаждаюсь, с медсестричками зубоскалю. Надо, Федя, надо!

Вот и швы через один день сняли. Смог самостоятельно выбираться во двор. Теперь большую часть времени проводил там, на лавочке, под деревьями. Тут, на улице, меня ждало ещё одно открытие – я стал очень хорошо видеть. Прошрое моё тело было всегда близоруким, а тут вдруг мир стал огромным, объемным и бескрайним.

Доброхоты постоянно снабжали меня свежей прессой и книгами. Читать я всегда любил, а сейчас и делать больше было нечего. Поэтому читал всё подряд. Кроме интересного времяпрепровождения, была в этом и цель – как мне ещё объяснить столь широкие (для старшины Кузьмина) познания, тем более после амнезии? А тут и отмаза – прочитал я. И отвали, Вася!

На этой теме ещё ближе скорефанились с врачом Натаном Аароновичем. Он оказался обладателем прекрасной библиотеки. А я – первым подписчиком. Стали много общаться, в том числе и по пресловутому еврейскому вопросу. Кто мог знать, что типичный еврей, правда не картавый и без акцента (ещё его родители родились в этом городе, разговор, даже дома, только по-русски), да ещё и Натан, да и Ааронович, окажется таким антисемитом! Не ожидал.

Всё было в тему, кроме одного – время уходило. Отгорел пожар на днепровских рубежах. Долго упирающийся Могилев пал. Разгоралось смоленское сражение. А я в парке, на лавочке, с книжечкой. Никогда не чувствовал себя настолько убогим.

За время моего пребывания в больнице станцию бомбили ещё три раза. После каждой бомбёжки начинался аврал – десятки раненых, покалеченных, обожжённых. В парке отрыли укрытия-щели – узкие глубокие длинные ямы в земле. Во время налётов в них укрывались ходячие и медперсонал. Тяжёлые оставались на месте на волю Провидения. А узловая больница всего в полукилометре от станции и в сотне метров от путей.

Двух налётов я не видел. А вот третий наблюдал. Животрепещущее зрелище. Налёт был ночной. Может, наконец, стали наши соколы-истребители вламывать тихоходам Не-111 днём? Ночью стали летать. Для станции, говорят, это лучше – ни одна бомба на неё не упала. А вот городу досталось.

Я смотрел из ямы на рышущие по небу лучи прожекторов, режущие ночное небо трассеры зенитных мелкошек, вспухающие где-то в высоте разрывы зенитных снарядов. Муторно, зубной болью и бормашиной гудели бомберы. Бухали взрывы бомб, алыми всполохами подсвечивали чёрное рваное небо зарева пожарищ от зажигательных бомб. Звенели колоколами пожарные расчёты, свистели исполошенно свистки милиционеров.

Это было страшно. Правда, страшно. Я весь покрылся холодным потом, даже ладони. Страшно. Стоишь и не знаешь – может, тебе на голову уже летит бомба? И сделать ничего не можешь. Бежать? Куда? Да, тут в яме, меньшая вероятность погибнуть, но поджилки-то твои тебе не верят. Вот когда я понял предыдущего владельца этого тела – лучше из пулемёта по ним бить, хоть и опаснее, хоть и не добьёшь, да и не попадётся, но не так, как баран на закланье, ждать своей смерти!

Помнится, в этот момент я стал орать благим матом в семь этажей, рассказывая чёрному небу, что я думаю о пилотах бомберов, немцах, фашистах, нацистах, Гитлере и всей его шайке подонков, что буду делать с ними и их родными, со всеми извращенными подробностями. А все кругом рты поразевали. Некоторые особо стеснительные сестрички уши затыкали.

Отпустило меня лишь, когда стали поступать жертвы ночного налёта. Помочь я ничем не мог, мог только не мешать. Что я и сделал. Доковылял до своего места и вырубился. Устал так, будто сам по всему небу на своих двоих гонялся за немцами, догнал и сотворил с ними всё, о чём орал.

Где-то после этого больница стала госпиталем. Она стала подчиняться не железнодорожным начальникам, а военному. Для нас, то есть видимыми, изменениями стали только множество пустых пока коек, которых понаставили везде, где только можно, даже в коридорах, да тентованная полуторка (доисторическая «газель») с красным крестом на брезенте, прописавшаяся в парке среди деревьев. Да, Ароныч стал не просто хирургом, а военврачом какого-то там ранга (хотя форму он не надевал, рассекал в тех же белых костюмах). И остальные врачи также.

Дембеля-сослуживца и многих других увезли на этой же полуторке на станцию – отправили в более глубокий тыл. Натан сказал – на базе узловой больницы создадут сортировочный госпиталь. Как я понял – санитарные поезда с фронта тут будут разгружаться и уходить обратно на фронт за свежими «котлетами». А госпиталь уже будет сортировать кого – куда. Тяжелых транспортабельных – в тыл, не транспортабельных – долечивать до возможности отправки, легких и средних – в другие госпитали города, района, области. Ну и конечно – срочная медпомощь всем поступившим. Меня Натан оставил, уговорил главврача, с которым дружил. Они меня вместе и с того света вытаскивали. Натан обещает на ноги поставить до заполнения госпиталя. Очень надеюсь.

В парке появился новосёл – военно-полевая кухня с толстым добродушным младшим сержантом в качестве повара с белым передником и огромным черпаком в комплекте. Теперь все ходячие у неё и терлись. Та же каша из котла Васи, так звали повара, была в несколько раз вкуснее.

С меня сняли лангету, ещё из шрамов ниток-швов подёр гали. Остались повязки и гипс на руке. Но пальцы руки стали работать, а нога по-прежнему не гнулась. Так и ковылял, как Костяная Нога. Одежду не отдавали, ходил в абсолютно уродских тапках и полосатой хэбэшной пижаме (откуда они её отрыли?), закипячённой до цвета навоза.

Вынужденное безделье меня уже стало напрягать. Я сам над собой офигевал, но факт. Обычно я ленивый, домосед, диванолёж, игроман (компьютерный). Мог все 28 дней отпуска за компом или перед зомбоящиком телека просидеть и нигде ничего не шелохнется, а тут меня просто подрывало куда-то. В такие моменты я слонялся, хромая, по парку, доставал Ароныча и старшую сестру-хозяйку требованиями вернуть форму. Ароныч был неприступен, но сестру-хозяйку я довольно быстро достал, в смысле допёк. И она выдала мне мою форму. Надо

было видеть её довольную ро..., а нельзя ж так про женщин, в общем, физиономию, когда она увидела мою рожу (о вот сам про себя я так могу) – я получил кучу окровавленного изорванного тряпья и вспоротые сверху донизу изношенные сапоги.

– Получи, распишись.

– Это что? Как я это надену?

– Но мы тебя из этого как-то вынули.

– А чё сапоги-то испортили?

– Надо было вместе с ногами их снимать?

– Так у меня ноги-то не перебиты!

– А мы знали? Весь был как телячья отбивная. Да ещё тяжеленный! Умучились мы с тобой, пока ворочали.

– А что от крови не отстирали? Как я сам, одной рукой, стирать буду?

– Да, мы выкинуть думали. Тут и восстанавливать нечего – дыра на дыре. А ты что теперь делать с этим будешь?

– Да, похоже, ты права. Это не восстановить. Отстираю – ремкомплект будет.

– Что будет?

– Ремкомплект. Другую форму попробую найти, а эта на латки пойдёт. Видишь, все нашивки, значки целы. Всё на новую форму перешью.

– Понятно. Ну, давай тогда обратно. Постираем мы твои заплатки, может, правда сгодится на что. А новая форма... Похоже, ты на поправку идёшь. Кто бы мог подумать? Ты, видно, в рубашке родился. Какого тебя привезли...

Я вдруг увидел слёзы в глазах этой, суровой в общем-то, женщины. Правду говорят – жалости в сердце русской бабы на весь свет хватает. Она быстро смахнула слёзы. Отвернувшись, будто что-то ищет, продолжила:

– А то, глядишь, и на службу вернёшься.

– Конечно, вернусь!

– Вот там и выдадут тебе новую форму. С иголочки.

– Ой ли!?

– Конечно. Ты же от своих отстал. А где они теперь? Натан говорит, полк твой в Смоленске в окружении бьётся. Может, и перебили уже всех. Так что, тебе прямая дорога к нашему военкому, Андрею Сергеевичу. А у нас в городе своя швейная фабрика. Сейчас только военное и шьют. Уже в две смены. Стариков позвали обратно, девок сопливых учат. Если свет наладят – в три смены работать будут. Так что, форму новую получишь.

– Спасибо, мать. Обнадёжила.

– Ты бы, сынок, к Натану обратился. Он с главврачом дружен, а тот с Сергеичем, военкомом, знается близко – выросли вместе. Может, придумают чего.

Я так и поступил. Но Аароныч меня не понял. Так и сказал:

– Не понял я тебя, старшина. Если комиссоваться хочешь – тут я тебе не помощник – сам решай.

– Ты чё, Натан Аароныч? Я, наоборот, служить хочу. В бой быстрее. Там ребят моих в блин раскатывают, а я тут, на казённых харчах, кисну.

– А, вон оно что! А я уж, грешным делом, разочароваться в тебе хотел. Думал, ошибся в тебе.

– Зря ты.

– Ты уж прости глупого еврея. Но не стану пока ничего делать. Рано. Слаб ты ещё. Хотя динамика положительная, всё может испортиться в самый неподходящий момент.

– Жаль. Ну, а такая заморочка...

– Что?

– Да не заморачивайся!

- Что?
- Да что ты такой есть-то! Всё тебе на литературном разжуй. Проблема: часть моя неизвестно где. К кому я приписан, где на довольствии состою?
- Да, это точно, как ты говоришь, за-мо-ро-чка? От слова морок? Навеянный кошмар-заблуждение. Довольно точно. Довольствие...
- Да. Как говорил товарищ Ленин: «Социализм – это учёт и контроль».
- Ты больше нигде так не ляпни. Ленин так не говорил.
- Так, где я на учёте состою? Кто меня контролирует и довольствовать должен? Хотя бы пока, до выписки, в денежном и одёжном-обувном довольствии.
- Да, об этом стоит, как ты говоришь, потерять?
- Перетереть.
- Откуда ты словечек этих набрался? Или вспоминать начал что?
- С мира по нитке – нищему рубаха. Ничего пока не вспомнил. Так нахватался. Не парься!
- Что? Я не в бане.
- Да это тоже значит – не забивай головы. Ну, так что, не забудешь?
- Да уж постараюсь.
- А насчёт баньки ты напомнил – я ведь знаю, что это. Буквально кожей почувствовал. Смотри мурахи какие. Наверное, баню я люблю. Аж жар по душе прошёл!
- Всё-таки вспомнил! Память возвращается! Это же просто замечательно.
- Да, ништяк!
- Что?
- Неплохо, говорю. Тем более, надо решать скорее. Воевать мне надо, Натан. Всю жизнь я к войне готовился, а сейчас – здесь. А там щеглы, жёлторотые неумехи гибнут пачками. Воевать мне надо, Натан.
- Во как я в легенду вжился!
- Да услышал я тебя, отстань. Как ты говоришь – «отвали»? – фыркнул Натан Аароныч и пошёл к корпусу госпиталя.
- А я откинулся на спинку лавочки, зажмурился, вдохнул чистый горячий летний воздух. Хорошо-то как здесь! Спокойно. Где-то война, ещё где-то сумасшедший, бешеный двадцать первый век, а здесь всё тихо, спокойно, как во сне.
- На душе тихо, но тоскливо – скучаю по своим любимым. Жене, сыну. Увижу ли я их? Как они там? Я ведь там погиб. Поди, схоронили. Все глаза уже выплакали. Как они будут без меня? Ох, херово-то как. Чем больше думал о них, тем тоскливее становилось. Места себе не находил. Метался по парку до заката, сторонясь людей – общаться ни с кем не мог. Скорее бы на фронт, что ли! Уж убьют, мучиться перестану.

Отступление от повествования

Телефонный разговор:

- Как там объект? Проявил себя?
- Нет. Рвётся на фронт.
- Похоже, твоё чутьё тебя подвело.
- Нет, Объект – чужой. Личность полностью не соответствует легенде.
- Ознакомление с личным делом?
- То-то и оно, ещё больше всё запутало. Человек слишком сложно устроен для старшины Кузьмина. Знает то, чего старшина знать не должен, но не знает того, что должен знать. Полная оторванность от жизни. Хотя языком владеет в совершенстве. Думает по-русски, это я тебе точно говорю. Но в речи использует множество необычных словесных построений и иноязычных включений, но произносит их искаженно, обруссеченно.

- Обруссеченно? А ты не так?
- В этом-то и дело. Я же подолгу бываю за рубежом, слух у меня к такому привычен.
- Ну, так что скажешь?
- Никак я не пойму. Связи его не проявляются. Будем ждать?
- Подождём.

Телячья отбивная. О том, как дело само находит не успевших спрятаться

Ночью опять был налёт. Разбудила воздушная тревога. Пovýбежали, кто мог, на улицу, попрятались в щелях. Дело было уже к утру, посвежело. В одной пижаме да спросонья казалось холодно. Аж трясло. Сдерживался, как мог – подумают – боится старшина Кузьмин. А этого нельзя допустить никак. Авторитет надо блюсти.

Я, расталкивая людей, выбрался из щели.

– Куды, окаанный!? Убьют жа!

– Убили уже, – буркнул я в ответ.

Шел без цели, просто чтобы согреться. Подошёл к полуторке, заглянул в кабину. Во! Фуфайка! Еще тёплая – видимо, водитель ею укрывался. А спал в кабине. Во, как в ней тепло! С трудом, одна рука в гипсе, нога не гнётся почти, накинуд на плечи ватник, залез в машину. Пригрелся и уснул. Просыпался только от разрывов бомб, но тут же засыпал опять.

– Э, болящий! Вылазь!

– А?!

– Вылазь, грю! Ехать надо.

– Поехали.

– Без тебя. Тут дохтур едит. Вылазь.

– Куда поедешь?

– На вокзал, знамо куда. Людишек бомбами побилó, за ними поедем.

– Я с вами.

– Да куда тебе! Самого таскать надо. По макушку в бинтах, всё туда же. Вылазь, грю!

Я вылез. Обошел машину. Задний борт был открыт. Кое-как влез в кузов. Сел на доску-лавку, перекинутую меж бортами. В кузове лежали носилки. Подошли люди. Натан, судя по голосу, сел в кабину. В кузов запрыгнули двое медсестричек.

– Ой! – взвизгнули они. – Кузьмин! Вы что тут делаете?

– Тише, девчонки! С вами еду. Может помогу чем.

– Да на кой ты нам?! Раненых таскать? Самого хоть таскай! Только место занимаешь.

– Да я только туда. Обратно своим ходом.

Девчонки прыснули.

– Каким своим ходом? Ты тут-то еле ковыляешь! Да и кто тебе позволял покидать госпиталь?

– Девчонки, не сдавайте! Не могу я больше на одном месте. Как птица в клетке.

– Ладно, птица. Раз птица – петь будешь. Умеешь?

– Нет.

– Тогда, извини. Натан Ааронович!

– Умею, умею. Только я не певец. Даже не певун. Скорее выпевун.

– Ната!..

– Ладно, ладно! Согласен! Что же вам спеть? Ну, давай вот это:

Идти во мгле туда, где свет,
Ни сил ни веры больше нет.
Ты берег, призрак в море лжи.
На самом дне я, но я жив!
Взошли в душе моей кусты.
Вот всё, чего добилась ты.
Но если ты простишь обман,

Я знаю, – светом станет тьма!
Стрелы слова – не отпускай моей руки,
Фразы в ветра – не бросай!
Стрелы слова – вера моя, мои грехи,
Крик небесам: не бросай!

Я солью был в твоих слезах,
Тоскою жил в твоих глазах.
Я знаю – нет пути назад,
Я предавал, не веря в ад.
Сожгли в душе моей кусты.
Любовь – зола, надежда – дым,
Закрыв глаза, на самый край
Без сожаленья брошу рай!

Стрелы слова – не отпускай моей руки,
Фразы в ветра – не бросай!
Стрелы слова – вера моя, мои грехи,
Крик небесам: не бросай!

Девчонки были впечатлены. Так и сидели, выпав из реальности.

– Красиво как!

– Сам сочинил?

– Да вы что! Мне такого не дано. Слышал просто. Сейчас вспомнил.

– А кто сочинил?

– Дашь слова переписать?

Что им сказать. Что это песня группы «Плазма»?

– Нет, не дам. Песня очень старая, наверно дореволюционная. Слышали: рай, ад, душа?

Как ваш комсорг отнесётся к этим устаревшим и вредным понятиям?

– Я и есть комсорг, – ответила одна.

«Опа! Вляпался в жир ногами».

– Но мне очень понравилось. Хотя, наверное, да. Слова переписывать не будем. Так запомним. «Я солью был в твоих слезах, тоскою жил в твоих глазах...»

– Давай ещё!

– А долго ехать? Станция вроде рядом была.

– Рядом. Но объезжаем. Там дорогу разворотило. Коротенькую спой, – почти приказала одна, та, что комсорг.

– Ну, пожалуйста! – взмолилась другая.

– Ладно. Коротенькую, забавную. Островского читали? «Отчего люди не летают, как птицы?»

Отчего люди не летают, как птицы?
Оттого, что отрастили большие ягоды,
Оттого, что нелётная погода,
Оттого, что ползать нынче мода!
Люди, люди, люди не летают!
Люди, люди, люди не летают!

А вот творчество Шнура комсомолкам не понравилось.

– Почему это не летают? Многие летают. Лётчиков сейчас много.

Они были возмущены. Наверное, они слишком хорошие, эти девчонки. Открытые, наивные, искренние. А вот нас, крайне циничное поколение, двести раз обманутое, сотни раз кинутое, потерявшее всякие идеалы, эти песенки забавляли.

На станции был форменный хаос. Что-то горело, всюду бегали люди. Что где, понять было решительно невозможно. Но Аароныч с медсестрами, похватав носилки, рванули куда-то. Я за ними. Куда там! Пока я ковылял, чуть не сбиваемый с ног бегущими, как в безумии, людьми, их и след простыл. Я же вышел на станционные пути.

Бог ты мой! Это что такое? Это что за рельсы такие? Я и не видел таких ни разу. Низенькие, тонкие шпалы в путь лежат редко, балласт зарос сплошь травой. А-афигеть! Да и рельсы короткие – 12,5 метра поди, а может короче. А мы 25-метровые Р-65 вручную меняли. А в них в каждом метре те самые 65 кило и есть. Только хребты трещат да лома гнуться. А эти соломинки и голыми руками можно менять. Как в страну Лилипутию попал: подкладочки, накладочки – мельенькие.

Шипя перегретым паром, как гигантские паровые утюги, паровозы пытались растащить свалку составов со станции. Подойдя ближе, увидел неприглядную картину: горящие, искорверканные вагоны, сброшенные с путей, огромную воронку, перегнутые рельсы, тянущиеся в небо, тела людей всюду, в разной степени сохранности. И суета. И тушили, и растаскивали, уносили раненых, оттаскивали погибших. А с другой стороны воронки орал белугою какой-то хмырь в тёмном мундире, не то чёрном, не то темно-синем, в фуражке с красным верхом, на стайку перепуганных бабёнок с путейским инструментом в руках. Те в слезы ревели.

Я на некоторое время «завис». Не приходилось мне ещё видеть растерзанные тела людей. А тут их ещё и много. Отпустило меня, огляделся. Мертвым уже не помочь, надо для живых что-нибудь делать.

Хмырь свалил. Подошел я.

– Что, бабоньки, приуныли? Где же мужики ваши? Бригадир, мастер?

– Мужиков в армию забрали, – ответила одна.

– Бригадир – там лежит. А от Сергея Иваныча одна нога-то и осталась-а-ась... – ответила, всхлипнув, другая – и в рёв.

– Обоих побили-и-и, бабоньки-и-и, что делается-то!..

В общем, массовая истерика.

– А чего вы хотели? Война же.

Заголосили ещё пуще. Ну что за народ эти бабы? Душа у них водяная. Ну, ничего. У меня есть опыт прерывания истерик. Человека в истерике надо встряхнуть, отвлечь, загрузить голову иными проблемами, чтобы не осталось места страху.

– Ро-о-та! Стр-ройся! Сми-и-р-на! – рявкнул я. Аж сам от себя офигел. Как это я так реветь научился? Но бабоньки реветь перестали, глазёнки повытаращивали. Если их сейчас не грузануть по полной, истерика ещё усилится.

– Обрисовываю обстановку, – начал вещать я голосом непривычно жёстким, – в результате хищнического налёта противника ваше подразделение понесло потери, утрачен командный состав, что привело к полной деморализации части. Это ставит под угрозу выполнение важного задания командования, а именно – скорейшего восстановления пути и возможности пропуска поездов по станции. В результате вышеизложенного, я, старшина Кузьмин Виктор Иванович, принимаю командование вашим подразделением на себя, до прояснения обстановки. Вам всё понятно? Есть возражения?

Сухой казённый язык (откуда он взялся только в моей башке?) оказал положительное воздействие – бабёнки даже подтянулись, кое-как выстроились, правда, не по росту. Возражающих не было. Я пошел хромать вдоль строя.

– Перед нами стоит задача – восстановить целостность данного пути сообщения. Что нам для этого нужно? Инструмент, шпалы, рельсы, балласт, желательно щебень. Кто знает, где всё это складировано? Шаг вперёд! Как вас зовут?

– Катя.

– Катя вы – дома. А здесь война, прошу не забывать об этом.

– Швадрина Екатерина Георгиевна.

– Так-то лучше. Вы знаете, где складированы материалы верхнего строения пути?

– У меня муж и отец здесь работали. Я всё неплохо знаю.

– Назначаю вас, Екатерина Георгиевна, временно исполняющей обязанности бригадира пути. Есть на чём привезти всё это?

– Есть путевая тележка.

– Замечательно, от слова «мечта». Берёте себе столько товаров, сколько необходимо, отправляйтесь за инструментом и шпалами. Остальные – расшивать дефектные рельсы. Это вам знакомо? Исполнять!

Закрутилось. Ну вот! И никаких истерик.

– Боец! Стоять! Кто таков? – окликнул я пробежавшего с совершенно потерянным видом ребенка, на вид лет семнадцати, но в неопрятной военной форме.

Он оглянулся, уже почти продолжил путь, но видимо, необходимые на службе рефлексy успели выработаться, он вытянулся, доложил. Кому? Мне, то есть этому охеревшему типчику в пижаме? Да, именно так. Вот что значит многолетняя выработка командного голоса, но не моя, конечно, а Кузьмина. Хотя и у меня организаторский опыт имелся довольно нехилый.

– Так, боец. Я – старшина Кузьмин. Поступаешь в моё распоряжение. Твоему командованию будет доложено о твоей задержке мною. Твоя задача – помощь подразделению ремонта пути. Вопросы есть? Хорошо, что нет. Бери вот этот кривой лом, он называется лапчатым, расшиваешь рельсошпальную решетку. Вот эти опытные товарищи женщины покажут тебе как. Ну, не женское это дело! Пока можем помочь – будем помогать.

Так я отловил ещё под десяток солдат, которых здесь солдатами нельзя было называть. Только – боец или красноармеец. Выбирал самых «потерянных». А они с радостью соглашались – фактически они проявили слабость – во время налёта бежали куда глаза глядят, а теперь не знают, как предстать пред командиром. Я фактически их отмазываю. Вот тебе и симбиоз. И мне хорошо, и им неплохо.

Меж тем в воронку бойцы стаскали старые шпалы, сложив их «колодцем». Привезли рельсы. Сразу собрали из них рельсовую нить нужной длины, пришили концы её на оставшиеся в пути шпалы, а середина, получилось, что легла на этот «колодец» из шпал. Рельсы фактически повисли над воронкой. К рельсам, на вису, пришили шпалы костылями. Путь был готов, только отсыпать.

– Екатерина, у вас есть что-либо для механической отсыпки балласта? Засыпать эту яму.

– Есть, но на восстановительном поезде. Он приедет, наверно, скоро.

Появился опять этот хмырь в чёрной форме. Оказалось – комендант станции. Он аж рот разинул.

– Ну, молодцы, ну молодцы, – он был искренне рад. Тряс мне руку, обнял так, что аж заболело всё.

– Командир, ты потише. Поломаешь меня опять. И так еле сшили.

– Как зовут вас? Я представлю вашему командованию благодарность на вас.

– Старшина Кузьмин. Только я ни при чём. Это всё бабоньки. Они сами всё сделали. Да вот Швадрина Екатерина Георгиевна. Я её назначил врио бригадира до вашего решения. Девоньки просто перепугались, растерялись.

– Утверждаю назначение. Швадрина, зайди в кадры или ко мне вечером, с приказом ознакомишься. Но всё-таки! Тут и движение можно открыть.

– Можно, только осторожно. Желательно отсыпать балластом и подбить шпалы.

– Всенепременно! Восстановительный уже идёт. Сортировочную они уже открыли, теперь и здесь закончат. Откуда вы, старшина, владеете путевой наукой?

– Командир, обрати внимание – я старшина. Я не владею путевым ремеслом, я команду людьми. Я их организовал – они всё сделали, а я наслушался терминов путевых, пока они разговаривали, теперь пытаюсь выглядеть умным.

Мой собеседник рассмеялся.

– Молодец, старшина. Побольше бы нам таких, как ты. Немца бы от границ не пустили бы.

– Ты поосторожнее, командир, с такими утверждениями. Не всё так просто. Немец пока сильнее. И не потому, что у нас люди плохие, а потому, что немец под своим фашистским флагом против нас всю Европу ведёт. Вся Европа на него работает. Ну, ничего, не впервой. Один, Наполеоном кликали, тоже всю Европу к нам войной привел. Всех здесь и закопали.

– Наполеон Москву взял, – погрустнел железнодорожник.

– А Гитлер – не Наполеон. Кишка тонка. Да и мы не дадим. Не те времена, чтоб Москвами бросаться. Вот отпустят меня с госпиталя – мимо меня ни одна немецкая падла не пройдёт.

– Верю, старшина. И очень на это надеюсь. Ты и здесь нам сильно помог. Как отблагодарить тебя?

– Должен будешь.

Это вызвало удивление.

– Это как?

– Я тебе помог. Мне нужна будет помощь – ты долг и отдашь.

– А-а, тогда договорились. А вот и восстановительный. Это были железнодорожные войска. Те же путейцы, но в форме и с оружием. Работали ловко, споро, быстро. Залюбуешься. Как себе домой делали. Всё закончилось. Я доковылял до станции. Сел на лавку в тени каштана. Силы меня покинули. Закурил, закрыв глаза. Надо было идти в госпиталь, но сил у меня не осталось. Так и сидел.

– Товарищ старшина, вам плохо?

– Нормально, Екатерина. Виктор я. Иванович, если угодно. Что ты? – я открыл глаза. Только сейчас пригляделся к ней. А ведь она молода, даже младше меня теперешнего. Можно сказать, даже симпатичная, кареглазая, каштановые волосы – была в платке, сейчас сняла. Невысокая, чуть полная. Но это по нашему, извращенному вкусу сумасшедшего XXI века, если не скелет обтянут кожей – толстая. Из-за её плеча выглядывал любопытными лисьими глазами мальчонка возраста моего сына. Очень на Екатерину похож, сын, наверно.

– Я глянула – ноги вы совсем разбили о щебень.

И я глянул. И правда. Больничные тапки были изорваны в хлам, на ступнях – коричневые корки ссохшейся крови.

– Не надо на «вы», Екатерина. Мне неприятно будет тебя на «вы» называть, как старую учительницу. Ты же моложе меня. А ноги – заживут ноги.

Екатерина кивнула:

– Это сын мой, сапоги я ему сказала принести. Померяй, может, подойдут? Это мужа моего.

– А мужу уже не нужны? Сапоги-то исправные, я погляжу.

– А нет больше мужа.

– Что так?

– В прошлую зиму ещё не стало. Они с отцом моим зимнюю рыбалку любили. Но выпить любили больше. Особо – на рыбалке. Вот оба под лёд и провалились. Утопили оба. Осталась я и вдовой, и сиротой.

– Да, печально. Прости.

– Да при чём тут ты? Примерь. А нога не гнётся? Васька, воды принеси, кровь смыть. Да теплой найди.

Пацана как ветром сдуло. Пока его ждали, Катя рассказывала о своей незамысловатой жизни. Жила теперь одна, с двумя детьми: сын, Васька, и дочь пяти лет. Тяжело было. Очень благодарил меня. Оказывается, в это время должность бригадира пути – это о-го-го! Теперь полегче будет детей поднимать. Легонько намекнула на виды на меня.

– Женат я, Катерина. Сын у меня ровесник твоему. Далеко они. Не знаю, увижу ли когда?

Вернулся Васька. Нёс большое брезентовое ведро. Катя села передо мной на корточки. Васька лил горячую воду (где только взял?), Катя мыла мне ноги. А-афигеть, я и не думал, что действие подобное может вызвать в душе моей такую бурю эмоций! Это было чудовищно возбуждающе, восхитительно. Настолько сокровенно, интимно. Ё-моё! Прости меня, любимая!

Оттерев ноги каким-то полотенцем, Катя завернула ноги, как куклу в портянки, надела сапоги.

– Ну, как?

– В самый раз.

– Ты очень похож на моего мужа, даже размер ноги совпал. Пойдём, я провожу тебя.

– А работа?

– Так мужики наши приехали. Их хоть и в армию забрали, но они служат все здесь же. Только некоторые попали на бронепоезд. Вот когда паровозоремонтный ещё один бронепоезд построят, часть из них с ним на фронт уйдёт.

Она поднырнула мне под руку, навалила на себя часть моего веса (я не сильно сопротивлялся), и мы так вот, фактически обнявшись, пошли дворами в сторону госпиталя. Разговаривая всю дорогу ни о чём. Мне было хорошо и приятно.

Утреннее солнце уже вовсю пригревало. На деревьях тихо шелестела пыльная листва. Где-то за деревьями садов-подворьев гудели паровозы, грохотали составы, а тут было тихо и как-то мирно, птички пели, будто и войны нет.

Катя больше не волокла меня, я сам нормально стал идти, но она не отстранилась, наоборот, как-то скромно, стыдливо, прижималась ко мне тёплым мягким телом, будоража и волнуя.

Но вот и госпиталь. Катя сразу как-то напряглась, отстранилась. Я остановился, видимо, пришла пора прощаться. Она стояла напротив меня с пунцовыми щеками, опустив голову, нервно теребя платок в руках.

– Как мне рассчитаться с тобой, Катерина, за доброту твою, подарок твой?

Она быстро глянула на меня тоскливо-томным взглядом. Но промолчала. Я тоже молчал. Нечего тут сказать. Всё понимаю, уже не «выюноша восторженный», но не могу. Она пару раз порывалась что-то сказать, вздыхала тяжело, но лишь опять вздыхала. А я не помогал. Потом она усмехнулась, зыркнула на меня лисьим взглядом, какой я видел у её сына, с искринкой.

– Должен будешь.

Я тоже усмехнулся. Ну-ну.

– Поправишься, может, в гости заглянешь. Без мужской руки хозяйство совсем захирело.

– Совсем плохо?

– Да, почитай, полтора года без мужика-то. Петли – и то смазать не кому.

– И сосед не заглянет, не поможет?

Взгляд Екатерины вдруг стал обжигающе-ледяным. Она резко развернулась, пошла, вся сжатая, как взведённая пружина.

– Прости! – вполголоса буркнул я. Так жестоко, но так будет лучше. Я тоже развернулся и пошел в госпиталь. Откуда мне было знать, что она стоит сейчас и сквозь слёзы смотрит мне в спину, кусая губы.

Отступление от повествования

Телефонный разговор:

– Объект всё больше проявляет странностей. Подсунули ему связь. Половую. Жёстко оборвал. Сослался на мифических жену и детей. Показал высокие, для старшины, организаторские способности и инициативность. Перед вышестоящими не робеет, обращается как с ровней, на грани хамства.

– Может, это обычная странность необычного человека?

– А блистать странностями он начал после ранения? Все сослуживцы однозначно опознали его как Кузьмина, но не узнали в нём прежнего Кузьмина. Он, кстати, ни одного не узнал, если ему не говорили. Да и с теми, на кого ему указали, грубо обрывал отношения.

– По-моему, ты теряешь время.

– Возможно. Но, прошу, дай доработать его до конца.

Контуженный на всю голову. Про внутренний мир тех, кому нечего терять

Как же всё-таки восхитительно пахнут свежие, только с грядки, огурцы, зелёный лук, укроп, петрушка. Обычная больничная еда с ними полностью преобразается, имея совсем иной вкус, намного лучший. Я украдкой смотрел на завистливые физиономии соседей по палате. Они только поступили – вчера разгрузили санитарный поезд. Они были далеко от дома, как и я, в принципе. Но ко мне, неожиданно для меня, пришла Катя и принесла эти овощи и зелень.

Она старательно отводила глаза, я же стремился поймать её взгляд, заглянуть через её очи в душу, понять. Она же, потупившись, сокрушалась, что ягода совсем отошла, что яблок ранних сортов в её саду нет.

– Ну, ничего. Скоро поспеют яблоки. На одном дереве уже наливаться стали. Бока уже желтеют.

Она рассказывала о работе, детях, соседях, жизни города. Её трёп меня умилял. Но всё хорошее когда-нибудь заканчивается. Вот и нам сообщили, что пора бы и закругляться.

– Пойдём, я провожу тебя.

Одна беда – портянки одной рукой не намотаешь. И снова Катя бережно и аккуратно запеленала мои ноги, обула сапоги. Соседи по палате пялились на всё это действие даже не дыша.

– Ух, хороша! – услышал я, едва мы вышли из палаты.

– Катерина, подожди меня, – попросил я, вернулся в палату: – Ребята, угощайтесь. Мне одному всё одно не съесть. Витамины.

И совсем тихо добавил:

– Если хоть от одного похабный намёк в её сторону услышу – лицо обглодаю! Я понятно объясняюсь?

– Поняли мы, старшина. Иди, выгуливай подругу, не сумлевайся. А за угощение – спасибо.

– И Екатерине Георгиевне нашу благодарность передай.

Катерина стояла недалеко.

– Слышала?

– Да. Это ты правильно сделал, что поделился с ними. А я ещё принесу. Каждый день носить буду. Если сама не смогу – Васька принесёт.

Мы прошлись по парку, подошли к выходу в город. Дальше идти я не мог. Хотя и в прекрасных кожаных сапогах, но не в пижаме же по городу дефилировать. Даже и в сумерках, опускавшихся на город.

– Ты не обиделась на меня?

– Обиделась. Жену любишь?

– Люблю.

– Её здесь нет. Как и мужа моего. Я его тоже до сих пор, дурака, люблю.

– Совсем не так. Она жива.

– И мы живы. Пока.

– Вот тут возразить нечего.

– Я ведь не покушаюсь на её любовь. Вообще ни на что не покушаюсь. Ты очень на мужа моего похож. И внешне, и лицом, и голосом. Когда я с тобой – как будто он рядом. Не гони меня. Пожалуйста.

– Не буду.

– Я завтра приду.

– Я буду ждать.

– Пока! – она встала на носочки, потянула мою голову за воротник вниз, чмокнула в щеку.

И пошла. А я стоял и смотрел вслед. Необыкновенная женщина.

– Необыкновенная женщина.

Я сначала даже не среагировал – но потом дошло, что слова эти прозвучали не только в моей голове, но и рядом. И произнёс это не я, а голос Натана.

– Я извиняюсь, я ненароком, почти ненароком, услышал ваш разговор.

– Я не собираюсь обсуждать это с кем бы то ни было.

– Я понимаю. Но не для этого искал я тебя. Твои геройства в анна-каренинском стиле не прошли незамеченными.

– Анна-каренинском? А, Толстой, на рельсы под паровоз. Читывал. Не понял я её.

– Тонкая дворянская психика.

– Слишком даже. Малахольная она. Неужели они все такие были? Это же диагноз неврастении целого класса общества.

Натан гоготнул:

– Не все, конечно. Но некоторая степень моральной деградации и психического расстройства было очень частым явлением. За исключениями некоторых довольно ярких личностей.

– Ты не о Колчаке, случаем, с Врангелем? Так их исключение скорее подтверждает правило.

– Может быть. Мне больно думать об этом. Давай не будем.

– Почему?

– Они были элитой. Их уничтожили. Давай отойдём.

Мы сели на лавку в глубине парка. Стемнело, но было ещё жарко.

– Я думаю, что, – начал я, понимая, что «палюсь», но «Остапа понесло», – институт дворянства был создан как прослойка служивых людей, государевых. Они были опорой общества, его нервной системой, его структурообразующим элементом. Общество их содержало, но они должны были тянуть ярмо Служения. В случае войн, а для нашей страны – война – постоянное явление, они клали жизни свои на алтарь победы. Лучших представителей общества это же общество заталкивало в «ярмо Служения», содержало их и их детей как представителей качественной породы. То есть давали им дворянство. Такой вот искусственный отбор. Но... Им надоело. Обленились. Их стало много, угроз мало, они почувствовали свою силу. И осознали угрозу себе, как классу. И угроза эта не иноземцы, а собственное общество – народ и царь, которые так и норовили их в ярмо затолкать. Они стали притеснять народ, стремясь к деградации русского мужика до состояния бессловесного быдла, стали убивать царей, меняя их по своему усмотрению, а не по Божьему разумению, хотя бы Павла вспомни. Он стал их теснить – они сменили его на другого, более слабого. Что получила Россия? Войну со всей Европой, объединённой Наполеоном. Оно нам надо было? Зато они получили право не «тянуть ярмо». Общество их продолжало содержать, получая взамен лишь вред, яд западного мышления в русскую душу. Кстати, запад, западло и западня – родственные слова и понятия. Ясно, что дворянство стало деградировать в основной массе своей, кроме немногих отщепенцев, добровольно в «ярмо» впрягшихся. Труд, он облагораживает. Лень – оскотинивает. Но чрезмерный труд, особенно неблагодарный, выжигает человека, что часто стало происходить с мужиком стараниями «элиты», как ты её называешь. А душа России – именно мужик. А душа – это часть Бога. Так что то, что произошло – закономерно. Катарсис, очищение огнём. Как больной организм изгоняет яд жаром, так и русское общество избавилось от паразитов и их яда. Не стоит так сокрушаться о былом. Не всяк же дворянин был истреблён. Вон, родственники графа Толстого же живы. Живут среди нас, творят. Говорят, Алексей Толстой что-то грандиозное намутил в виде книги.

– Кто ты, Вить? Ведь ясно же, что ты не просто старшина.

– Чё это вдруг?

– Да не придурайся. То, что ты сейчас сказал, тянет на научную работу. Но я нигде не встречал хотя бы части сказанного тобой.

– То есть ты отказываешь крестьянскому сыну в праве шевелить извилинами? Зря. Да, основная масса того, что я сказал – прочитано мной. Но сопоставить разрозненные факты в единое видение мира, не вызывающее душевного отторжения – труд самого человека. И именно подобный труд над собой возвышает человека и делает его человеком, а не тварью дрожащей. И этому меня учил дед, крестьянин, а его – его дед, тоже крестьянин, владеющий собственной библиотекой. Лишнюю денежку он не пропивал, на книги спускал. Так-то. Не там ты элиту ищешь.

– Просто я впервые встречаю настолько разумного...

...мужика. Что же ты, не стесняйся, я не обижусь. У нас на Урале и в Сибири подобные мне не исключение, а скорее правило. Только их называть надо не просвещенные, это слово навсегда обгажено привязкой к погрязшей в бесовщине Европе, а просветлённые. Увидевшие отблеск Бога в душе своей. А здесь таких мало. Чрезмерный неблагодарный, почти каторжный труд сначала убил в людях надежду, потом погасла вера и потемнела душа. Откуда свет в ней возьмется? Как без божественной искры в душе отличить правду от кривды? Полагаться на ум? Ненадёжный инструмент, легко поддающийся обману соблазнов. Помни, Натан, – логика – вотчина сатаны. Посмотри хотя бы на врага нашего теперешнего – была Поруссия, жили наши люди. Счастливо жили. Поддались соблазнам. Элиты переродились. Глас Бога слышать перестали. Тёмные души. Чистая логика. Бесчеловечная. Сатанинство. Они, логически неопровержимо, доказывают, что они есть потомки ариев – лучшие. Это так. Но туда арии пришли отсюда. Но арий никогда не будет утверждать, что он лучший. Потому что точно знает – все народы лучшие. Все дети одного Бога. Не может у отца быть лучших или худших сынов. Все сыны любимы. Арий не станет истреблять другой народ, знает точно – все равны перед Богом. А немцы сейчас, как и древние римляне, стали бесами. Бездушными. Римляне из кожи славянских детей страницы книг делали, а немцы из кожи людей – сумочки, куртки, перчатки.

Натан отшатнулся в ужасе.

– Не может быть.

– Невероятно? Прислушайся к себе. Не к логике – она обманет. К душе прислушайся. Она верит?

Натан уронил голову. Глухо сказал:

– Они евреев в Польше, как скот, в загонь заперли. Считают их не людьми. А цыган истребили.

– Тоже не веришь? Но просто расстрелять всех – нелогично. Гораздо логичней, а значит выгодней процесс истребления сделать прибыльным – кровь – раненым, кожу – галантерея, из кости – сувениры, игрушки, шахматные фигуры, например. Огромным спросом всё это пользуется. И не только в Германии. Централизованные, но негласные, поставки в Англию, Северную Америку. Там это считается проявлением элитарности – отринуть человеческую мораль. Уподобиться зверю – есть себе подобных. Ну, а те останки, что в производство не годятся – идут на удобрения. Человек человека ест. У бесов Рима даже пословица такая была.

– А ещё с крестами ходят.

– И на танках, самолётах рисуют. Не смотри на мир глазами, Натан, обманут они. Смотри на суть вещей и явления. Зри в корень, как учил Козьма Прутков.

– Я вот слушаю тебя – и не пойму. То ли ты и был такой, хотя скрывал ото всех, то ли контузия так подействовала.

– А, врач в тебе заговорил? Если и дальше будешь глупости молоть, так и буду тебя врачом обзывать. От слова «врать».

Натан удивился:

– А должно как?

– Лекарь – от слова «лечить». Или целитель – восстанавливающий целостность.

Натан сплюнул:

– Да ну тебя! Обижусь.

– На обиженных, от «объезженных» – воду возят. Да и не боюсь я больше ничего. Понимаешь – умирать страшно первый раз. Я умер – вы меня возродили. Нет страха. Ладно. Загрузил я тебя. Ты что сказать-то хотел?

– Военком тобой интересовался. Сам на нас вышел. Ему начальник станции такое напел, что хоть в рай, то есть в партию, без очереди принимай. Впечатлил ты человека.

– А военком?

– Состоянием твоим интересовался. Запросы на тебя ушли по прежнему месту службы. Так что скоро на довольствие от нашего горвоенкомата встанешь.

– Ой ли? Скоро запросы не вертаются.

– А ты пока на больничных харчах. Вещи тебе не нужны, деньги тоже...

– Нужны.

– Зачем? Тебе и с территории госпиталя отлучаться нельзя.

– Но у меня есть среди врачей хороший товарищ.

– Не Натаном случаем зовут? Так в этом я тебе совсем не товарищ. Я обрадовать думал, а ты и на шею сразу ноги закидываешь.

– Кузьмин! – раздался от дверей госпиталя сердитый девичий голос. Одной из медсестёр, ехавших в полutorке со мной на станцию. Та, что комсорг. Сегодня её смена. И хотя она не старшая медсестра, но очень ответственная девушка. По меркам XXI века – даже чересчур.

– Людочка, я здесь! – крикнул я.

Как я и рассчитывал, её неуёмная энергия и молодость не дадут ей ждать меня на входе. Прибежит. Правда, бежит. Одной рукой придерживая халат, другой широко отмахивая.

– А, Натан Аароныч, и вы здесь.

– Да, Людочка. Виктор Иванович меня развлекать изволили. Вы не за этим ли сами пожаловали?

Девушка смутилась. Натан торжествующе глянул на меня, я усмехнулся.

– А я увидела в двадцать третьей палате столпотворение, думала – опять старшина байки рассказывает.

– Людочка, красавица, рассказывают сказки, а байки я травлю.

– Они что – яд?

– Ну, нет. Это как сеть, когда рыба в неё попала, потихоньку травишь, отпускаешь сеть, чтобы рыба-слушатель глубже запуталась и не вырвалась. Или как избыточное давление из котла всеобщего внимания и почитания стравливают клапаном моего рта, чтобы не разорвало котёл моей головы.

– Вот вы меня уже и запутали, – рассмеялась девушка.

– А вы мне, милочка, как раз и нужны. Натан Ааронович, не уходите. Вас тоже касает, как ответственного и душевного (душевного я подчеркнул интонацией) человека, врача.

– Натан Аароныч, он вас обзывает, а вы молчите? – рассмеялась девушка. Какая смешливая. А ещё комсорг. Это когда же комсорги превратятся в выроdkов Чубайсов, Гайдаров и других «комсомольских вожаков»?

– Милая Людочка, он считает, контуженный на всю голову, что так он мне честь оказывает. Лекарь от слова лечить, а врач – от «врать».

– Правда – контуженный.

Мы смеялись все трое.

– Людочка, вы не обратили внимание – для чего собрались в моей палате все эти раненые, а я не сомневаюсь, что там были только раненые?

- Да нет как-то. Увидела – вас нет. А так тихо сидят, едят, разговаривают вполголоса.
- А запах? Ничего не заметили?
- Да нет. Запах как запах, – Людочка сморщила носик. Да, запах госпиталя – то ещё испытание.
- А когда вы огурцы последний раз ели?
- Утром сегодня, за завтраком. Что вы загадки какие-то загадываете. Скажите толком.
- Ко мне сегодня Екатерина Георгиевна приходила.
- Людочка фыркнула.
- Да я знаю, что вы в курсе. Но дело не совсем в ней. Она принесла огурцы, зелень. Наверное, весь сегодняшний урожай. Вы-то их каждый день едите, вот даже и не заметили ничего особенного, а бойцы уже неизвестно сколько на фронте одной кашей питались. Представляете, как она опостылела. А тут зелень. Вот они на запах и сбежались. Представьте, как улучшились вкусо-ароматические качества той же каши с укропом, петрушкой, зелёным луком, с хрустящим огурцом вприкуску. В кухне этого нет. Почему-то. Хотя лето. А это витамины, это очень полезно.
- Да, – задумчиво протянул Натан, – как-то мы это упустили. В больнице обычно это родные и близкие обеспечивают. Мы и привыкли. Надо дать заявку в заготконтору.
- И они проведут продразвёрстку. И привезут тебе вялые, подгнившие, сгоревшие, сопревшие овощи и фрукты. А толку? Народ озлоблен, раненым не легче. Смысл?
- А как?
- Едва поймал себя за язык. Чуть не сказал: «пиар-акция». Пришлось на ходу перевести на человеческий язык:
- Грамотная, без фанатизма и насилия, общественная работа. Город наполовину состоит из дворов. Сады, огороды. На них иногда вырастает больше, чем хозяевам необходимо. Рядом – села, посёлки. Надо провести общественную работу. Я думаю, если людям просто рассказать, что госпиталь полон раненых и увечных, что им для поправления требуется свежие плоды, ягода, овощи, фрукты, молочная продукция, люди сами попрут излишки в госпиталь. Но только рассказать, попросить, ни в коем случае не требовать. Действием сим они должны себя возвысить, жертвуя. А любая обязаловка унижает. Только добрая воля. Один из десяти соизволит – госпиталю хватит за глаза. Вот для этого, Людочка, и нужны ваши комсомолки. Обойти людей, пообщаться. Деликатно и ненавязчиво. Сумеете?
- Конечно. Завтра же подниму этот вопрос на собрании ячейки.
- Ни в коем случае! Никакой кампанейщины и штурмовщины. Строго в индивидуальных беседах. А по комсомольской линии отчитаетесь по итогам. Назовёте инициативой каждого отдельного комсомольца. Это должно выглядеть впечатляюще. Подумайте, Людочка. И помните – деликатно и ненавязчиво.
- А получится? Согласятся ли люди своё отдать? Бесплатно.
- А дайте им шанс. Но не ждите многого. И они вас приятно удивят. Это же русские люди. Ну вот. И всё обсудили. Но расходиться никто не спешил. Мне в палату не хотелось, но и мои медсобеседники не уходили. Словно ждали чего-то.
- Виктор Иванович, спой что-нибудь, – попросила Люда.
- Людочка, разве я Шаляпин? Даже не Утёсов. И не Бернес, – больше исполнителей этого времени я и не знал.
- Но ведь вы так замечательно спели:

Стрелы слова – не отпускай моей руки,
Фразы в ветра – не бросай!
Стрелы слова – вера моя, мои грехи,
Крик небесам: не бросай!

– Людочка, да вы талант! – воскликнул Натан.

– Да, вот вы нам и спойте, – поддакнул я.

– Виктор Иванович, лучше вы. Что-нибудь новенькое, своё.

Я искренне рассмеялся:

– Вы что, Людочка, подумали, что это моя песня? Я лишь, как попугай, – что слышу, то и воспроизвожу. Сам, к сожалению, талантом подобным обделён.

– Жалко, – девушка и вправду расстроилась, – а я записала ту песню. Мы теперь её петь будем. Девочкам тоже понравилась, хотя она явно мужская. Но какая-то...

– Какая?

– Ну... Непривычная какая-то.

– Ну, конечно же. Другое поколение, другая ментальность. Я же говорил – она из других времен. Ладно, не расстраивайтесь так. Я попробую исполнить одну.

Я задумался, вспоминая.

– Витя, хватит себе цену набивать! – это уже Натан в нетерпении всыпал свои пять копеек.

– Я слышал это в авторской редакции, под гитару. Сам я умею играть только на чужих нервах. Слова, если запомните, мотив подберёте:

Белый снег, серый лёд
На растрескавшейся земле.
Одеялом лоскутным на ней
Город в дорожной петле.

А над городом плывут облака,
Закрывая небесный свет.
А над городом жёлтый дым,
Городу две тысячи лет.
Прожитых под светом звезды
По имени Солнце.

И две тысячи лет война,
Война без особых причин.
Война – дело молодых,
Лекарство против морщин.

Красная, красная кровь,
Через час уже просто земля,
Через два на ней цветы и трава,
Через три она снова жива
И согрета лучами звезды
По имени Солнце.

И мы знаем, что так было всегда,
Что судьбою больше любим.
Кто живёт по законам другим
И кому умирать молодым.

О не помнит слова «да» и слова «нет»,
Он не помнит ни чинов, ни имён,

И способен дотянуться до звёзд,
Не считая, что это сон.
И упасть, опалённым звездой
По имени Солнце.

Секунд тридцать стояла оглушительная тишина, потом парк вокруг взорвался аплодисментами и криками – народу набежало, оказывается, немало.

– Я никогда не слышал подобного, – Натан был впечатлён, – чем-то перекликается с буревестником, ищущим бури, как будто в бурях есть покой. При этом фатализм, но какая сила в каждом слове. Даже меня потрясывает. Признайся – твоё?

– Да нет же. Мне чужого не надо. Люда, записывать будешь – укажи – автор – Виктор Цой, мой тёзка. Казах, бывший кореец, сейчас русский. Поэтому имя русское, а фамилия – корейская. А вот где мы с ним пересекались – военная тайна.

– Ещё! – взмолилась девушка.

– Нет, Людочка. Хорошего помаленьку. Надеюсь, в следующий раз «Звезду по имени Солнце» мы услышим в вашем исполнении. Поздно уже. Спать.

Народ, разочарованный, расходился. А чего вы хотели? Концерт по заявкам? Так песен этого времени я, кроме «Катюши», и не знаю. А нашего времени – ограниченно применимо. Так, от балды, петь нельзя. Сначала вспомню, запишу, отредактирую от иновременностей и идеологически невыдержанностей, а потом и можно применять. Даже нужно. «Нам песня строить и жить помогает». Надо проводить морально-психологическое стимулирование и настройку на преодоление трудностей. Больно уж они тут расслабленные. А с трудностями психологического характера столкнутся? Спасуют? Сейчас сотнями и тысячами в плен сдаются не потому, что трусы или предатели, а от растерянности. Привычный мир рухнул, погребя их души под обломками. К концу 42-го они оклемаются. Появится знаменитая русская стойкость характера, жертвенность, инициативность. Именно эти морально модулированные и напишут знаменитые песни к фильмам о войне, на которых воспитывались следующие поколения. И я. А сейчас этого нет.

Только сейчас, в процессе этих размышлений, я понял, что же так долго свербело в душе. А именно – резкое различие одних и тех же людей образца 41-го и хотя бы 44-го не давало мне покоя. «Опалённые войной» – так они себя называли. Это абсолютно разные, ментально, люди. Более того, они в конце сороковых не понимали и не принимали самих себя образца 41-го. Стыдились, но не понимали.

А я ещё в детстве, читая по школьной программе Симонова, по-моему, и Бондарева (если не ошибаюсь), не мог понять, радостной расслабленности героев «Живых и мёртвых», резко сменившейся, после первого же окружения, на отчаяние растерянности, полную дезориентацию, потерю воли. Отсюда полное отсутствие критической оценки событий, нежелание думать, сопротивляться, то есть люди превратились в баранов. Большинство, даже генералы. Их действия, реакции стали шаблонными, противником легко предсказуемыми. Поражения были сокрушительными. А солдаты... Они тоже стали действовать на инстинктах. Кому-то инстинкты приказали сдаться, кому-то – идти к своим. Писатель гениально показал состояние главного героя – абсолютно бессознательное метание его по тылам врага, больше похожее на состояние человека во сне-кошмаре. А так оно и было – разум вырубился, не перенеся стресса. Стало зомби – тело, запрограммированное на что-либо, в данном случае – идти домой.

А вот герои «Горячего снега» и «Батальоны просят огня» совсем другие. Они тоже были окружены. Но не растеряны. Их холодная расчетливая ярость, железная, но изворотливая, как штопор, воля к победе, инициативность, выдумка солдатской хитрости, жертвенность – мне, ребенку 90-х были понятней. Они были «опалённые», мы, из 90-х – «отмороженными». Они, как у Цоя, не помнили ни чинов, ни имен, были способны дотянуться до звёзд. После боя

генерал им раздал ордена, но сначала они смотрели на эти железяки, не понимая их значения. Понимал ли автор, насколько он гениально обрисовал эту сцену? Я, ребёнком ещё, мечтавшим обо всём и сразу, не понял этого тогда, а когда понял их, этих выживших, сам стал таким же. Не за ордена они умирали. Убивали, прощались с друзьями. Даже не за Родину. А за самих себя, за что-то в самих себе. Чего не ощущаешь, пока не окажешься на грани.

Вот в этом направлении и стоило поработать.

Я был рад и доволен собой. Наконец я нащупал достойную цель моего пребывания здесь. Не просто сдохнуть, утащив с собой несколько нелюдей в форме фельдграу, а что-то большее. План вырисовывался такой. Перед моим попаданием сюда мы всей семьей смотрели прикольный фильм, снятый в лучших традициях русского кино – «Каникулы строгого режима». Нам понравилось. Один из героев фильма придумал план из трех действий: «Завоевать авторитет, сколотить команду, показать фокус». План моих действий имел те же пункты. Надеюсь, нацистам мой «фокус» понравится.

Получится ли? Авторитет завоёвывался неплохо, почти сам собой. Приложить усилия – можно будет расширить охват «аудитории». Команда. Тут пока мутно. Но людьми руководить – у меня должно получиться. Половину трудовой деятельности я руководил коллективами (иногда неявно, негласно) разной величины. Самый крупный опыт – руление литейным цехом три года явно, потом два года в качестве негласного лидера (авторитета). А в цехе было 129 человек. Ё-кти, рота. Вот и ближайший предел. Самый мутный пункт – «фокус». Но он и последний в очереди. Ладно, по ходу разберёмся, с Божьей помощью. Как говорится: делай, что должен и – ...флаг тебе в руки, дудку в одно место и поезд навстречу.

Усмехнувшись собственному каламбуру, я уснул.

Отступление от повествования

Телефонный разговор:

– Была принята попытка активизировать проявление Объекта.

– Не вспугнули?

– Вроде нет.

– И что, проявил?

– Не совсем так. Но разговор был однозначно плодотворный. Отрабатывалась версия, что Объект – потомок эмигрантов. Возможно, из дворян. В разговоре показал пренебрежительное отношение к дворянству. Однозначно позиционирует себя «крестьянским сыном». Якобы, с Урала или из Сибири. Показал высокую лояльность коммунистической идее, но проявил и высокую религиозность.

– Так вот всё это сразу и вместе?

– Именно. Поет песни, которых никто не знает. Стилистика песен абсолютно разная. Это произведения разных людей. Если некоторые из них и могут быть его собственного сочинения, но не все – это точно. Сослался на знакомство с каким-то корейцем, вернее, потомком корейцев.

– Их в Сибири немало.

– Но, и в Сибири никогда не слышали подобных песен. Да, отношение к немцам необычное.

– Какое?

– К немцам как к нации не испытывает антипатии, а вот к той Германии, что сейчас, испытывает лютую ненависть. А вот к Англии и САСШ – ненависть уже на грани национализма. К евреям, кстати – тоже.

– Вот это букет!

– А я о чём?

– Что думаешь дальше? Не забывай, время – не резиновое.

– Помню. Объект рвётся «в бой». Предлагаю увеличить ему степень свободы. Как ты сам говоришь: «Птицу видно по полёту?» А там, глядишь, и связи выявим.

Контуженный на всю голову. Когда есть смысл

Цель есть. Надо к ней двигаться.

Кстати, двигаться. Меня резко перестала устраивать ограниченность собственной подвижности. Ведь что такое война? Народная мудрость гласит: «Ерунда война, главное манёвры». Маневренность – вот что главное на войне. А в бою – подвижность. «Летай, как бабочка, жаль, как пчела» – это Али, боксёр. Боец. Любой бой, хоть боксерский, хоть в подворотне, хоть Сталинградская битва – имеют общие законы: захвати инициативу, будь быстрее противника, бей своей сильной частью по уязвимой части противника, уйди из-под удара. Пора заняться развитием тушки Кузьмина Виктора Ивановича, доставшейся мне в весьма плачевном состоянии.

Для начала проведём ревизию имеющихся мощностей. Сердце довольно сильное, достаточно поднять его эластичность, кровеносная система достойная – мой прежний телообладатель был, видимо, привычен к тяжёлому физическому труду. Зер гуд. Позвоночник. Покрутившись, понял – в пояснице пара позвонков приплюсены – обычное дело при перетаскивании тяжестей на хребте. У меня в прошлой жизни с 14 лет то же самое – дело привычное. Руки-ноги. Вот здесь намного хуже. Переломы, вывихи, швы. М-да. Общая неэластичность. Это поправимо.

А начать надо с главного – дыхание. Забывшись, я запел:

Слушая наше дыхание,
Я слушаю наше дыхание.
Я раньше и не думал, что у нас
На двоих всего одно лишь дыхание.
Дыха-нье-е.

Комплекс упражнений, смесь йоги с практиками русских рукопашников, это основа основ. Нас этому научил чудной толстоватенький студент Агроуниверситета в подвале ДЮСШ. Это называлось «секция рукопашного боя». Студент так калымил – мы учились драться. А как иначе? Это были 90-е. Пацан без набитого кулака и не пацан. Короткая стрижка, широкие спортивные, кроссовки, кожанки – это мы. Танцы, музыка, мольберты – нам этого тогда было не понять. Мы бились до крови, били в кровь за «понты», судили «по понятиям». Только не бандитствовали. Мне нравилось рисовать. Художественная школа или подвалы ДЮСШ (один – секция бокса, другой – тяжелой атлетики)? Вопрос не стоял. И вот почему.

Тогда в любых больших помещениях с аудиоаппаратурой проводились дискотеки. Все «реальные пацаны» обязаны присутствовать. Танцевать категорически не приветствовалось. Только «медляк» с «тёлкой» или вусмерть пьяным дёргаться подобно припадочному. И вот на моих глазах (мне четырнадцать) происходит «наезд». Это группа наглых типчиков («быков») посылает одного, самого наглого, но с виду слабого, курсировать по залу. Этот «бык» начинает задирать «лохов» – ребят, под категорию «реальных пацанов» не попадающую. Это обычные старшеклассники, танцующие в общем кругу со своими девочками (не по понятиям, см. выше). То есть он пересекает танцующий зал, задевая плечами (умышленно, резко и больно, до кланья зубов) плечи «лохов», и пёр дальше. Многие «отличники» понимали, что это значит. Поэтому – язык – в... за брючный ремень и молчок. Но вот и на «бычьей» улице праздник – парень был с девушкой. Она, видимо, была дорога ему. И не желая пасть в её глазах до уровня плинтуса, то есть труса, он дёрнул обидчика за рукав: «Э, ты чё, бычара?» И всё стадо налегло. Они сбили парня с ног, запинали. Но это дело обычное, привычное. А вот дальше был «беспредел». «Быки» расступились. К лежавшему без сознания подошел один, по всем видам

и манере – вожак. Что-то сказал и... Он прыгнул всем своим прокачанным центнером парню на голову. Я стоял недалеко – в паре шагов. Кровь и мозги попали мне в рот, забрызгали лицо и одежду. Визг, музыка вырубилась, топот сотен ног, давка на выходе. И дикий хохот отморожков, настолько самодовольный и самоуверенный, что именно от этого, а не от крови во рту, я похолодел. Они не испытывали никакого страха, никаких угрызений совести. Они считали себя выше нас, выше морали, выше закона. Да, кстати, никто из них так и не сел в тюрьму. Убийца был племянником прокурора города, свидетелей не было, а парень – «погиб в давке на выходе из клуба».

Я был тем самым «отличником, зубрилкой», да ещё и очкариком. В тот момент, как чужие мозги полетели мне в лицо, капли засохли на линзах очков, меня перестали интересовать стихи, рисование и ещё многое-многое, из чего состояла моя жизнь. Появились спортзалы (на бокс нас не взяли, как и на тяжёлую атлетику – «старые»), которые попадали в наши руки после или между занятий секций бокса и штангистов.

Знаете что такое «секция рукопашного боя» в подвале ДЮСШ? Это выжимка, экстракт, гремучая смесь ушу, карате, бокса, самбо, славяно-горецкой борьбы. Это я понял позже, к тридцати, продолжая самообучение, а тогда мы, 14–15 лет от роду, просто впитывали всё как губка, без сомнений, на веру. Но, как ни странно, студента этого никто Сэнсеєм и даже учителем (как в фильмах по кунг-фу) не называл. Он был Серёга. Не более. Он возился с нами час-полтора, потом убегал. Для нас это была жизнь. Новая, интересная. Для него – побочный заработок. Это продолжалось недолго. Год. Потом была массовая драка нас с боксёрами, позорно забитыми ногами – мы владели техникой боя ногами, борьбой, а для боксёра ноги – подпорки. Нас выставили из зала, и секция распалась. Примерно половина бойцов продолжали встречаться в подвале другой ДЮСШ – в качалке, но среди станков, гирь, штанг и гантелей не помашешь конечностями, не попрыгаешь в партере. Так, для релаксации после «качания». Но Серёга-студент дал мне главное – основу. А потом самоучение, в основном на практике. Хотя по-настоящему, всерьёз, дрался я очень редко. Просто изменилось тело, моторика, взгляд. Это многое говорило понимающим, количество желающих «наехать» резко убавилось. Тем более что такие, как я, были не просто «реальные», а «нормальные, правильные пацаны», создав новый тренд – не тупой отморожок, а довольно грамотные, общительные, неглупые ребята, с которыми лучше не ссориться.

Правда, очки пришлось снять раз и навсегда. Дома – надевал, но на людях – никогда.

Но молодость прошла, отучился в институте, в армии не был, девушка, с которой и познакомился благодаря увлечению рукопашкой, потом семья, сын, работа, телек, комп – какой к чёрту спорт? О чём вы? Достаточно того, что при необходимости в тёмном переулке накостыляю «попутавшим». Хватит. Тем более с годами понимаешь – силой проблем не разрешить. А вот помножить – запросто. Понадобилось осваивать новые умения, навыки. Но это было в прошлой, почти мирной жизни.

Другой мир, другое тело, другая цель. Старые бойцовские практики и надо вспоминать.

Я видел удивлённые взгляды окружающих. Люди приходили в парк смотреть на мои упражнения, как в цирк. И что? Да пошли вы все! Как там говорится: «Тебе не всё ли равно, что о тебе подумает кабан?» Комплекс дыхательных упражнений, статические нагрузки, растягивание – вот пока то немногое, что мне доступно. Пару раз приходил Натан. Щупал пульс, слушал сердце, мерил давление, рассматривал зрачки глаза, язык. Хмыкал, уходил.

К вечеру тело болело невыносимо. Да, нельзя так, с непривычки. Но – время. Его опять нет. Я чувствую, как оно уходит. А я – ждал. Одно утешение – не в тоске и не напрасно. Тренировки, интересное общество, Катя.

В госпитале поднялся откровенный шухер. Как всегда при угрозе приезда большого начальства. Медперсонал носился с видом лёгкой истерики. Они разом пытались привести

в божеский вид полы, стены, окна, двери и нас, излечаемых. Получалось плохо. Я даже не пытался помочь. В таких ситуациях – чем больше действующих лиц, тем больше бардак. Поэтому я ограничился уборкой самого себя. Помыл, что смог, в том числе и изрядно отросшие волосы, теперь чистые они стали как иглы дикобраза под ударом тока – торчали все разом строго перпендикулярно коже головы. Подстриг ногти (на правой руке с посторонней помощью) и побрился. Вот тут особый разговор. Никогда в жизни в руках не держал опасной бритвы. Только «жиллеты». Ясно, я опасался бриться. Отросла довольно приличная борода, густая, тёмно-русая, как у былинного героя, хотя и короткая. Но устав Красной Армии однозначно запрещает ношение бороды, неодобрительно морщится на усы, но терпит (Будённый), о чём мне неоднократно и непрозрачно намекнули все соседи по палате по очереди. Недоели даже. Пришлось браться за мыло и бритву. Но ничего страшного не произошло – выработанные рефлексy тела-Кузьмина выручили меня и здесь, как до этого с портянками (ну кто в 2010-х умеет их правильно наматывать?). Сбрил всё, хотя регулярно заглядывающий юный девичий медперсонал и просил оставить усы. Без бороды они у меня вызывали только одни ассоциации – «пи...да под носом».

Так что я теперь, воняя «Шипром» на пол-этажа, причёсанный, отмытый, в чистой-глаженной пижаме, сидел на своей койке у окна, подперев спину подушкой, и читал. Жюль Верна. Ну, как читал? Всё это в детстве же было перечтено. Пролистывал – легенда, батенька. Извольте не мистическим путем расширять кругозор, а реальным – осязаемым. Хотя не интересно уже перечитывать. Так, для вида листаю. На тумбочке лежал Толстой. «Война и мир». Уже пролистал. А Клаузевица мне достать негде. Неинтересен он хирургу Натану Аароновичу.

– Приехали! – пронеслось по коридорам, сопровождаемое топотом стада бегемотов. И вот стало тихо. Впервые за пару последних дней.

Я выглянул в окно. Но оно выходило во двор, видно было только нервного повара в белоснежном, а не сером, как до этого, фартуке. Эх их всех пробрало! Не нарком ли Тимошенко приехал?

Оказалось – нет. Часа через полтора в палату завалилась толпа военных со шпалами, звёздами на рукавах, во главе с седым, длинным (тощий, как вешалка, оттого казался длинным) типом с выпяченным подбородком, жестоким взглядом ледяных глаз исподлобья, недовольно сжатыми в тонкую линию губами. Серая кожа обтянула лицо, как у мумии. Один ромб в петлицах.

«Это с какой же шахты тебя извлекли? И как долго там мариновали? На силе воли держишься?» – подумал я. Вид этого седого был откровенно чахоточно-дистрофичный.

Делегация пожелала нам доброго дня и скорейшего выздоровления. Потом скрипучим голосом сказал седой:

– Я комбриг Синицын Александр Дмитриевич...

Я обалдел. Комбриг. Это что за прослойка? Знаю, есть полковник, следом – генерал-майор. Полк-дивизия. Меж ними бригада иногда бывает. И для бригады выделили отдельное звание? А вот чем бригада отличается от полка и дивизии? Два полка вместо трех, как в дивизии? Блин, ничегошеньки я не знаю.

– Подлый враг остановлен, получив по зубам под Смоленском и Киевом. Но для его окончательного разгрома сил пока недостаточно. Зато появилась возможность заняться подготовкой подкреплений. В стране началось формирование резервных армий. В нашей области – дивизии, в городе и районе – стрелковой бригады. Руководить этим буду я. Принято решение – бойцов, по излечении, направлять не в действующую армию, а на переформирование. Для передачи боевого опыта призывникам. Как говорится, за битого – двух небитых дают. Нам нужны инструктора в учебные роты. Кидать необстрелянных людей в бой – непозволительная роскошь. Поэтому командование и партия просят вас, товарищи, – поправляйтесь быстрее. Если имеются какие просьбы, предложения – говорите, не стесняйтесь. Мы поможем.

Вот оно! На ловца и зверь бежит. Я шагнул вперед, вытянулся, как смог:

– Старшина Кузьмин. Был ранен при бомбёжке, отстал от части. Прошу принять меня в бригаду. В действующую армию не годен, пока, – я поднял загипсованную руку, – но имею опыт обучения новобранцев. В процессе и долечусь. Время нас ждать не будет. Хребет зверю ещё не сломали, только отповедь дали. А без меня сломают – обидно будет.

– Орёл?! – ледяные глаза комбрига потеплели. Он повернулся к заведующему хирургией – Натану, старательно прятавшемуся за широкими спинами военкомов: – Он достаточно подлечился?

Натан выглядел одновременно сердитым, растерянным и обиженным, но голос был твёрд.

– Кузьмин был не столько ранен, сколько контужен. И что там в его голове сейчас происходит – непонятно.

– Как и у всех нас, – перебил его Синицын, – ближе к делу.

– Выписать его не могу, но и удержать его невозможно – опять под бомбы полезет. Его прямо к ним тянет.

– Это как? – удивился комбриг.

– Это не тот ли старшина, что своим видом ожившей мумии всех немцев распугал? – встрял ещё какой-то тип с тремя шпалами и огромной звездой на рукаве, – Он самый? О, Александр Дмитриевич, этот старшина уже успел отличиться. Во время бомбёжки станции сбежал отсюда, пешком дошел до вокзала, остановил панику среди железнодорожного персонала, понёсшего потери, организовал ремонт повреждённых путей силами женщин-путейцев и привлечённых бойцов, поддавшихся панике и пробегавших мимо.

– А почему как мумия?

– Так в бинтах с ног до головы, ноги-руки не гнутья из-за гипсов.

– Да, старшина. Такие люди нам нужны. Считайте вопрос решённым. Что, военврач?

– Я его не могу выписать, – упрямо заявил Натан.

– Да вы что, издеваетесь? – комбриг как-то весь приподнялся. Казалось, он стал коршуном. Сейчас как кинется на Натана, перья только и полетят.

– Он может заниматься делами вашего ведомства, но останется под наблюдением. Каждый день должен являться на приём.

Комбриг стал обычным. Даже усмехнулся.

– Пойдёт. Так бы и сказали, что переводите его на дневное. Так, старшина. Слушай мою команду: завтра, в 8-00, в кабинете военкома как штык!

– Есть как штык! Благодарю!

– А вот это лишнее. Пойдёмте, товарищи. Натан Ааронович, у вас есть ещё подобные бойцы?

– Настолько же контуженных нет.

– Жаль. Мне бы тыщоночку «настолько же контуженных» и остальных можно ставить на заготовку берёзовых крестов.

Из коридора раздался дружный смех. Это хорошо. Но не очень. Как я понял, комбриг думает, что немчуру остановили? Его ждет разочарование. Кадровая армия мирного времени тормознула вермахт, но и сама растерзана, как тузикова грелка. Перегруппировка Гудериана под Киев – миллион у нас минус. Огромная кровоточащая дыра на юго-западе и жиденький заборчик на смоленской дороге. Времени мало. Не сформирует комбриг своей бригады – по частям под танки бросят. Тьфу-тьфу, не дай бог. Но времени мало. Его уже практически нет.

Спать. Срочно. Когда ещё придётся. С завтра – цейтнот.

Встать в строй!

Утром я, как пан-король, на полуторке был доставлен к военкомату. Народ вокруг военкомата роился в невообразимых количествах. Многоголосый их говор сливался в один большой шум. Подобное меня всегда бесило, уставал от этого сразу. Провожаемый десятками пар любопытных и удивленных глаз (я в больничной коричнево-полосатой пижаме), я прошёл в военкомат. Меня немного «потрясывало», как всегда перед собеседованием с людьми, от которых хоть немного зависела моя судьба. Нашёл нужный кабинет, коридор перед которым был плотно упакован молодыми (и не очень) людьми. Протолкнуться я бы не смог. Стал ждать. Часов у меня не было. Опаздывал я или нет, не знал. Но проявить непунктуальность не хотелось. Поэтому, набравшись наглости, тормознул солдатика с двумя тре угольниками на петлицах. Выбрал его за несоответствие молодого лица и сосредоточенность на этом самом лице (типа сильно занятой).

– Слушай, дружище, меня в восемь ноль-ноль военком ждать должен. С комбригом.

Солдатик испуганно выдернул рукав из моих пальцев, сменил испуг на лице презрением, с которым оценил мой прикид.

– А народный комиссар обороны тебя там не ждёт? – процедил он сквозь зубы.

– Не советую ёрничать, мальчик, у меня это лучше получится. Иди, доложи: старшина Кузьмин прибыл. Если ты не понял – старшина Кузьмин – я. На внешний вид не смотри, я из госпиталя.

Когда я его назвал «мальчиком», лицо его побагровело. Но дальнейшие слова охладили пыл.

– Тут много всяких дожидается. Постарше званием старшины. И ничего, ждут.

– Не всем указано явиться лично пред очи ровно в восемь нуль-ноль, как мне. Ты мне долго мозг парить будешь? Туда же всё одно идёшь. Вот и скажи.

– Посмотрим.

Минут через пять дверь открылась:

– Старшина Кузьмин!

– Здесь! Ну-ка, ребятки, пропустите будущего героя штурма Кенигсберга и Берлина!

Ответом был взрыв хохота, но людская стена раздалась в стороны.

– Прямо в пижаме на штурм пойдёшь?

– А-то! Это оружие массового поражения – меня увидят, со смеху помрут. А гипсом – добыю!

Двери захлопнулись за мной. Оказался я в «приёмной». Небольшая комната, мужик с двумя кубиками на воротнике и звездой на рукаве за столом, заваленном папками и бумагами. Мужик поднял красные, как заплаканные, глаза, но черные круги вокруг глазниц говорили – краснота от недосыпа.

– Старшина Кузьмин.

Мужик кивнул головой на дверь. Я дошёл, открыл. Тоже небольшой кабинет. «Т»-образный стол, стулья вдоль стены, ковровая дорожка. За столом двое – комбриг Синицын и, видимо, военком. Геометрические фигуры в петлицах совпадали, но как обратиться? Кто он – полковник, комбриг или вообще какой-нибудь интендант какого-то ранга? И что они так намудрили?

– Старшина Кузьмин прибыл! – доложил я.

– Это тот самый? – спросил военком у комбрига.

– Ага, – комбриг кивнул, не глядя на меня, отхлебнул из стакана в подстаканнике парящую коричнево-прозрачную жидкость, наверно, чай.

– Почему в пижаме?

– Обмундирование пришло в негодность полностью. Меня из него вырезали.

– Так сильно побило? Служить сможешь?

– Так точно!

– Эк, ты! Для старорежимника молодоват. Какая воинская специальность?

Я пожал плечами:

– Меня контузило. Не помню ничего о прошлом своём. Память как отшибло.

– Ну и как он учить новобранцев будет? – это уже к комбригу вопрос. А тот у меня спрашивает:

– Совсем отшибло?

– Я не знаю. Так вроде не помню, а вроде и знаю всё. Портянки руки сами наматывают, бреюсь сам, люди мне подчиняются почему-то. А я даже в знаках различия перестал разбираться. Вот вашего звания не знаю.

– Чудно. Тут помню – тут не помню. И что ты так за него просишь? Может пусть подлечится?

– Петь, ты сам подумай – полный вокзал командиров, а на станции – паника. А этот только с того света – а в кулак всех собрал и путь заставил чинить. Он и в атаку бы баб повёл. И пошли бы. За таким пойдут. Так старшина?

Я пожал плечами:

– Мне попробовать надо. Я же из любопытства туда поехал – душат меня больничные стены. Гляжу – бабы орут, тип в черной форме – орёт, все бегают, глаза потерянные. Встряхнул их, отвлёк, они послушались, работать стали, бойцов отловил – бежали вокруг, как лошади при пожаре. К делу их пристроил. Оно ведь как – человек при деле и не думает ни о чём ином. Некогда ему бояться.

– Это ты верно подметил. Как у тебя с самочувствием, старшина?

– Готов к труду и обороне!

– Эко ты громко! А Натан Аароныч что думает?

– Говорит, динамика очень положительная. Через месяц полностью восстановится от всех травм, кроме контузии, – ответил за меня комбриг.

– Не отправляйте меня в госпиталь. Я же там совсем заржавею, – взмолился я.

– А это не тебе решать. Многие под юбками жён прячутся, а ты недолатанный в строй рвёшься.

– Враг хозяйничает на моей земле. Не могу я ни о чём ином помышлять, пока до Берлина их не допинаем.

– Ты нас родину любить не агитируй. Сказано – не тебе решать. Куда метишь его, Александр Дмитриевич? На взвод?

– Это лейтенантская должность.

– Где ты их возьмешь столько? На роты бы набрать. Знаю, что лейтенантская. Этих студентов, срочно в лейтёх переодетых, я за командиров и не считаю. По мне, лучше хороший сержант на взводе, чем мальчишка с кубиками.

– А сержантов где брать?

– Это да. Ну, так что думаешь?

– Он старшина. Вот пусть и старшинствует. В третьей роте второго батальона. Её как раз комплектовать стали. Заодно и подлечится.

– Завскладом? – я был сильно разочарован. Все планы коту под хвост.

– Смирна! Приказы командования не обсуждаются! Контузией совсем нух отбило? Поговори мне ещё. На губу сядешь – быстро субординацию вспомнишь. Понял?

– Так точно!

– Уже лучше. Кругом! Шагом а-арш!

Я пулей вылетел из кабинета. И встал в растерянности. И что делать дальше?

– Кузьмин? – спросил меня политрук с «заплаканными» глазами.

– Я!

– Слушай сюда. Вот тебе «бегунок». Пройди все эти, кроме этого, кабинеты и ко мне. Что смотришь так? Запрос на тебя давно уже отправили, но они и до войны неделями телились, а сейчас вообще можно не ждать – на фронт раньше попадете. Оформляйся с нуля.

– А когда на фронт?

Мой собеседник горько усмехнулся:

– Не бойсь – без тебя война не закончится.

– Да я знаю. Мне интересно, сколько мы тут проторчим.

– Планировали три месяца на формирование и ещё три на сколачивание и обучение, но сколько получится?..

– Понял, спасибо!

Тот пожал плечами, тяжело зевнул в кулак, потряс головой и углубился в бумаги, словно меня уже и нет. Да и то верно. Нечего мешать. Пошел я.

Меня мерили, взвешивали, щупали, опрашивали, записывали. Папка «бегунка» стремительно пухла от вклеенных справок, выписок, вкладышей. И так целый день. На улице уже смеркалось, когда я вернулся к «заплаканному». Он спал за столом, уронив голову на руки.

– А, ты. Всё? Быстро ты. Ну, пойдём. Провожу тебя заодно. Ты не думай, старшина, я уже третьи сутки из этого кабинета не выходил. Не могу больше.

– Да, я и не думаю, понимаю. Не продолжай.

– Денежное довольствие получишь завтра в кассе. За всё время с ранения сразу. Военком уладил этот вопрос. На котловое и вещевое – станешь в роте. А, ты же и есть старшина роты. Тем более – своя рука – владыка. Только рота ещё не сформирована, с нуля всё и начнешь. С интендантом поаккуратнее. Мужик он... непростой, скажем так. Разберёшься.

– Спасибо.

– За что?

– За всё. И за науку.

– Не за что. В одной лодке качаемся. Военком обещал меня с бригадой отпустить на фронт.

– Как же это он тебя отпустит? Ты у него вроде секретаря?

– Да ладно. Бабу какую-нибудь возьмет. Дело нехитрое, справятся. А ты сам откуда?

– Я же контуженый. Не помню ни хрена. Так, местами.

– Да, неплохо тебя приголубило. Хорошо, к Натану Ааронычу попал. Он хирург от бога, тьфу ты, никак не отвыкну.

– И ты его знаешь?

– Да кто ж его не знает? В городе всего две больницы – узловая и земская. А хирургов по пальцам одной руки пересчитать. А Натан... Он ведь и на Халхин-Гол ездил, и в Финской в командировке там был. У него та-акой опыт! И мужик мировой. Даже золотой.

Вот так вот! Вот тебе и Натан. А мы ведь сдружились. Странно. В прошлой жизни я тяжело сходил с людьми. Друзей, не знакомых-приятелей, а именно друзей, у меня не было. У жены были близкие подруги, а у меня нет. И вдруг – Натан. Тем более – еврей. Он, оказалось, суетился за меня и перед главврачом, и перед военкомом, комбригом. А на самом деле, оказывается, не надо сотни друзей – один друг-еврей их с лихвой компенсирует. Говорят, они всюду ищут выгоду. А от меня что за прибыль? Пока для Натана только нервные расстройства. И материальные затраты. Еврея траты на меня. Можете поверить? Я бы не поверил.

Мы дошли по вечернему городу до казарм. Они и в наше время сохранились, правда, внутри я не был.

– Это со мной, – сказал мой спутник часовому на воротах. Часовой смерил меня взглядом, поправил винтовку на плече, но ничего не сказал.

Уже вечер, но на внутреннем плацу вышагивали солдаты. Рулил ими («И-раз, и-два, левой, выше ногу дери, мать вашу подери!») однорукий командир. Правый рукав гимнастёрки был пришит у самого плеча.

– Это твой комбат. Геройский мужик.

Мы подошли.

– Строй, стой! Раз, два! Разойдись! На сегодня всё.

– Здравствуйте, Андрей Николаевич. Вот, привёл вам пополнение. Старшина третьей роты.

Я представился.

– Натанов крестник, – кивнул он. Представился капитаном Бояриновым Андреем Николаевичем. И орден Боевого Красного Знамени на груди представил сам себя. Похоже, правда – герой. Только без руки и шрам на всё лицо собрал правую щёку в горькую усмешку.

– Надеюсь, сработаемся. А работы много предстоит. Пойдём, я покажу тебе твою старшинскую нору.

– Волков бояться – в лес не ходить.

– Что?

– Нам, татарам, что плясать, что работать, лишь бы пропотеть.

– А, прибаутки. Это хорошо. Вовремя сказанная – дух хорошо поднимает. Не вовремя – дисциплину разлагает. А знаешь, что такое армия без дисциплины?

– Стадо вооруженных баранов.

– Верно. Вижу, человек ты бывалый. Воевал?

– Не знаю. Контуженый я.

– А, Натан же говорил.

Мы прошли мимо вытянувшегося солдата, наверное, дневального, набравшего воздуха полную грудь – видимо, орать что-либо собрался, да так, чтобы оглушить. Но Бояринов остановил его жестом.

– Вижу, не шуми. Это старшина Кузьмин. Ты не пальни в него случаем. Пока он в таком виде.

Мы зашли в огромную комнату, где сплошными рядами стояли железные двухъярусные кровати, пока пустые.

– Здесь будет квартироваться третья рота. Пока недоформированны первые две, но скоро и сюда заселять начнём. А вот и твоя каптёрка. Осваивайся. И переоденься. Форму по размеру найдёшь.

– Благодарю. По размеру я подберу, а вот что к чему носится, не помню. Не попутать бы.

– Разберёмся. Ключи возьми на вахте. Давай, старшина, осваивайся. Да поживее.

– Слушаюсь.

Я тоже вытянулся, как дневальный до этого. Капитан ушел, громко топая сапогами по крашеному полу. Он припадал на правую ногу. Похоже, неслабо ему досталось.

А обмыть?

Узнав у дневального расположение вахты, сходил за ключами, повозившись с замками, отпер, наконец, дверь каптёрки. М-да, нехило. Немаленькое помещение было заставлено стеллажами, просто завалено мешками, свёртками, ещё чем-то, что при слабенькой лампе не разобрать, так плотно, что остался лишь маленький пяточок у двери, но тоже занятый столом с настольной лампой и лежаком, на котором кулем валялись тряпки.

– В натуре, берлога, – пробормотал я. Ну, с Богом! Надо бы это всё перебрать, так сказать, систематизировать, чтобы знать, что, где и сколько. Но сначала уборка. Вот этим я и занялся. Да так увлёкся, что не услышал подошедших. Только деликатный кашель заставил меня оглянуться.

– Мать моя женщина! Натан! Ты ли это?

Натан щерился во все тридцать два зуба. Наверно, лицо моё было забавным. Ещё бы, я вообще офигел – передо мной стоял в новенькой форме с двумя шпалами в петлицах кавалер ордена Боевого Красного Знамени с лицом Натана.

– Не ожидал?

– Да я вообще офигел! Извините, товарищ майор!

– Военврач второго ранга.

– Вы тоже воевать собрались?

– Что это за «вы»? Ты никак обидеть хочешь старого бедного еврея?

– Тебя обидишь. Щупальцами своими весь город опутал, как спрут. Твои знакомцы меня, контуженого старшинку, схарчат и не заметят.

Натан рассмеялся задорно, залиvisto.

– Не знакомцы, а друзья. Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

– В натуре, еврей. Натан, тебя когда воспитывали, не говорили – с друзьями дружить надо, а не иметь их. Извращенец. Морда еврейская.

Натан поперхнулся, открыв рот, потом оттуда раздался хохот.

– Да это ты извращенец, я даже подумать такого не мог!

– Вы ещё долго пикироваться будете? Нам вас отсюда слушать или как? – раздался из-за спины Натана голос Бояринова.

– Да, что это я? – Натан посторонился, пропуская в каморку комбата и того же политрука, проводившего меня до казарм. Сразу стало тесно.

– Я тут как раз прибирался.

– Хозяюшка, – сочувственным голосом сказал Натан.

– А в глаз?

– Ты, татарская морда, ещё за еврея не ответил.

– Так! – командирский тон комбата вытянул всех в струнку, даже Натана, с его двумя шпалами. – Выяснение национальных вопросов оставим для коньяка, а сейчас, слушай мою команду! Натан, как старший по званию, в уборке не участвует – накрывает стол. Остальные – освобождаем место. Заодно надо и старшину привести в надлежащий вид. А тебе, Кузьмин, выговор за неисполнение моего приказа.

– С внесением в грудную клетку?

– Что?

– Выговор с внесением в грудную клетку? Или в личное дело? То есть тело?

– Нет, обойдёмся просто выговором. Но, только в первый и последний раз. Понял?

– Так точно!

Мы так препирались, но руки дело делали – узлы и мешки летели в углы.

– Натан, какой-то у тебя странный контуженый. В званиях не разбирается, а шпарит, будто в царской армии отслужил: «так точно».

– Я тебе, Андрюша, больше скажу – он пока в реанимации лежал, как будто институт закончил. Я его сослуживца опросил – как подменили старшину.

Я весь напрягся. Как выкручиваться? В фарс всё перевести? Стоит попробовать:

– Ага, агенты влияния разведок империалистов. Я же и иностранные языки знаю теперь: «Хаю дую ду?».

– Это что?

– Это он по-английски: «Как делаются дела», – подсказал из-за стеллажа политрук.

– Жаль, – вздохнул я, – не немецкий. А на что мне английский? Мы с ними не воюем. Да и не понимаю я, что это значит, так, помню почему-то.

– Давай ещё что-нибудь.

– Велком, гоу аут, файн, щет, фак, лондон из э кэпитал оф грейт британ. Ещё что-то всплывает, но я тут же забываю.

– Сереж, что он сказал?

– Заходи, уходи, замечательно, дерьмо, вообще матом и Лондон – столица Великобритании. Он, наверно, в школе английский учил. Или слышал где.

Фу-у. Может пронесёт. Вот и Натан разразился лекцией о неразгаданности устройства человеческого мозга и парадоксальности памяти. С примерами из своей богатой практики.

Ну, вот и расселись. Натан достал из своего докторского саквояжа две пол-литровые бутылки с коричневой прозрачной жидкостью. Этикетки незнакомые. Коньяк. Азербайджанский. Понюхал, когда налили в мой стакан.

– Блин, коньяк! Да хороший!

– Конечно. А ты надписям не веришь?

– На заборе тоже написано, а там дрова. Откуда мне знать, как должен пахнуть коньяк? Но ведь узнал, более того, чую – хороший.

– Ну, а я что говорил – «их благородие» подселился в старшину.

Я опять напрягся, но все рассмеялись. А Натан пересказал капитану и политруку наш с ним разговор о дворянах. Комбат покачал головой:

– Да, интересно тебе память вывернуло, старшина. Ну, долго греть-то будем? Я, конечно, понимаю – коньяк, он тепло любит, но доколе?

– И то верно, – поддержал Натан, – Старшина, скажи тост.

– Тост!

Они сначала выжидающе смотрели на меня, потом рассмеялись:

– Опять шутишь, – покачал головой Натан. – Тогда я скажу – за встречу!

Выпили. Отличный коньяк! Вообще я не любитель выпивать. Ну, так сложилось. Болею сильно с похмелья, а состояние опьянения мне неприятно. Ну, совсем неприятно. Одни неприятности от выпивки. Только один плюс нашел я – мне приятен вкус некоторых алкогольных напитков – коньяка, текилы и... И всё? А, пиво. Но, пью я, только пока не начну пьянеть. Как только в голове начнёт плыть – пить прекращаю. Меня бесит потеря мною контроля за реальностью, вернее, иллюзии контроля, прекрасно понимая, что контролировать реальность не могу и от меня мало что зависит.

– Между первой и второй – чтоб пуля не пролетела.

Подняли по второй. Дай-ка я скажу:

– За Победу! Она неотвратима, как рассвет. Но нам надо её приблизить.

– За Победу!

Закусить. Хороший закус. В голове зашумело. Да, сильно! У-у! Я поплыл. Уже?

– Ребят, что-то меня уносит, – сказал я, – Натан, по-менее наливай. Что-то меня сильно цепляет.

– И мне поменьше, – попросил политрук Серёжа, – я третьи сутки на ногах.

– Третья, – это я сказал. – Я вспомнил – третья не чёкаясь. За тех, кого с нами нет. И не будет. И стоя.

Мы встали.

– За батю твоего, Серёжа! Что за человек был. Золотой, – это Натан.

– За моих бойцов, – это сказал тихо комбат. – Простите, что не смог вас всех домой вернуть.

Политрук ничего не сказал, лишь в глазах слёзы, да желваки ходят под кожей.

Выпили. Молча закусили. Меня разморило. Чтобы сбить опьянение, усиленно ел. А Натан мне рассказывал об отце политрука – батальонном комиссаре Гапове Анатолии Павловиче, на которого третьего дня получили похоронку. Поэтому и отпустили Гапова Сергея Анатольевича в бригаду. Судя по их рассказу, человек был хороший. Стало грустно:

Чёрный ворон,
Что ж ты вьешься
Над моею головой.
Ты добычи не дождёшься,
Черный ворон, я не твой!

Вот так и спели. Хором. Потом ещё несколько песен, которых я не знал, но тянул. А потом я им спел:

Нас извлекут из-под обломков,
Поднимут на руки каркас.
И залпы башенных орудий
В последний путь проводят нас.

Пить я не любил. И петь. Но приходилось. А когда пьют мужики, без этой песни не обходиться.

И молодая не узнает,
Какой танкиста был конец.

А потом я спел, не в тему, но тоже грустную:

Где-то мы расстались
Не помню, в каких городах
Помню, это было в апреле...

Они внимательно слушали, а я умом понимал, что меня, как Остапа, «несёт», но остановиться я уже не мог. «Палюсь»:

Девочка с глазами
Из самого синего льда
Тает под огнём пулемёта.

Скоро рассвет. Выхода нет.
Ключ поверни и полетели.
Нужно вписать

в чью-то тетрадь
Кровью, как в метрополитене:
«Выхода нет»,
Выхода нет.

– Вить, ну признайся, ты ведь сам это придумываешь.

– Отстань, Натан! Я – попугай. Услышал, запомнил – спел. Не умею я песни сочинять.

– О, младший политрук оуклился. Надо его уложить, чтоб не мучился.

Ага, легко сказать. Я был пьян, на двоих с комбатом – две руки. Но ничего, с Натановой помощью застелили в казарме матрасом и подушкой койку, снесли туда Сергея, разули и накрыли шерстяным одеялом. Натан постоял над спящим, потом сказал мне:

– Я ведь его с такого возраста помню, – он показал расстояние до пола, – хороший мальчик. И воспитан правильно. Жаль отца. И сам на фронт рвётся. Если и на него похоронка придёт, Зина не переживёт.

– Старшина, – позвал меня комбат из каптёрки, – давай облачайся! Сказал же – привести себя в надлежащий вид, нет, ты всё в больничном! Точно выговор внесу, как ты говоришь, в личное тело.

– Слушаюсь.

Одежда была, правда, очень странная. О чём я и сказал.

– Почему?

– Лето же. Зачем двое штанов? А это что за шаровары?

Мои комментарии, оказалось, сильно их забавляли, потом они вообще рассмеялись:

– У вас что, несбыточная мечта – ляхи иметь здоровые? Зачем эти излишества?

– Почему излишества?

– Материала много напрасно уходит.

– А какие же должны быть? Как у суворовских солдат – лосины?

– Не лосины, но не настолько же? Как воевать в этом? Это что за камуфляж? Синие – для маскировки? На каком фоне? А как на пересечённой местности двигаться? По кустам? А колючая проволока? Кто придумывает это? Специально? Вредительство!

Натан и Андрей переглянулись. Смех пропал. Комбат даже перекосялся. Я понял, что ляпнул что-то не то.

– Это комсоставское галифе.

– А у рядовых какое? Уже?

– Не намного. Но не синее.

– Это чтобы снайпера врага издали различали командиров и сразу обезглавливали подразделения? И петлицы красные? На рукавах тоже? Чтобы издали отсвечивали? Да это что – заговор?

Комбат аж зубами закрипел.

– А мы так и теряли комсостав, – в его голосе было столько горечи, – одели солдатские шинели и галифе, а комдив – не положено! «Бойцы должны издали различать своих командиров»! Сколько же надо потерять, пока дойдёт?

– А это – юбка? – я поднял подол гимнастёрки и покружил, как балерина, ну, ладно, изобразил неумело.

– А как, по-твоему, должно быть? – Натан смотрел на меня с любопытством.

– Прямые штаны...

– Да это – брюки.

– И что? Хоть как назови. Одежда военного должна быть практична и функции... циональна. Блин, Сатурну больше не наливать, он пьян. О чём я? А во! Ничего лишнего. Карманов мало. Боец всё своё носит с собой. Это должно быть предусмотрено. А где он мелкое иму-

щество разместит? Здесь документы, здесь – курево. О, давай, угощай, покурим. А расчёска? Мыло? Нитка с иглой? Письмо из дому? Да мало ли? Да хоть взрыватели.

– Взрыватели?

– От гранат. В гранатной сумке – опасно. В брюках? А сядет – ломает. В нагрудном? Там документы и курево. Натан, не жми. Дай папироску. Курю. С чего ты взял? Раньше не курил – сейчас курю. Ты раньше тоже, может быть, был выношей восторженным, а сейчас – еврей! А чего курево зажал? А почему накладок нет на локтях и коленях? Ползать как? Протрётся сразу. Или доблестный красноармеец врага в полный рост встречает? Пулемётную пулю грудью ловит? Сейчас не наполеоновские войны. Расстояния не те. Не до красотостей. Красавчик – тот, кто живет дольше.

Комбат сплюнул, вскочил, выбежал, вернулся.

– Задел ты меня за живое, старшина. Сколько мы в своём кругу это обсуждали. Ну, мы-то воевавшие. А ты, со стороны, в бою не был, да ещё и контуженый?

– Да что тут за секрет? Логически подумать.

– Да уж, наверное, тоже не дураки эту форму придумали.

– Может, не из тех условий исходили?

– Что?

– Это как в математике. Есть условия задачи, решение и ответ – результат. Ну, например. Как у Толстого, недавно прочел. Скорость пешехода – 4 км/ч. За десятичасовой марш батальон преодолеет 40 км? Нет?

– Нет.

– И я так же думаю. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а нам по ним ещё идти. Пруссак не дурак – план умный придумали, но условия неверные. У Наполеона не было плана – не успел придумать. Поэтому, он должен был проиграть. А ему победу преподнесли на блюдечке. И князь Болконский увидел небо Аустерлица. Армия разбита. По частям. Вот тебе и «первая колонна марширует». И далее по тексту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.